

Эгмонт. Иоганн Вольфганг Гёте

Трагедия

Перевод Наталии Ман.

В томе западноевропейской драматургии представлены пьесы великих творцов Возрождения, Классицизма, Просвещения. В них нашла отражение социальная и духовная жизнь народов, давших миру этих великих классиков мировой литературы.

{1} - так обозначены ссылки на примечания.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маргарита Пармская,

дочь Карла Пятого, правительница Нидерландов.

Граф Эгмонт, принц Гаврский.

Вильгельм Оранский.

Герцог Альба.

Фердинанд, его внебрачный сын.

Макиавелли, секретарь правительницы.

Рихард, личный секретарь Эгмонта.

Сильва \

Гомес *военные на службе Альбы.р>*

Клэрхен, возлюбленная Эгмонта.

Емать.

Бракенбург, молодой бюргер.

Зоост, лавочник \

Иеттер, портной \

Плотник *брюссельские граждане.р>*

Мыловар *р>*

Бойк, солдат из войска Эгмонта.

Ройсюм, инвалид, тугой на ухо.

Фансен, писец.

Народ, свита, стража и т.п.

Место действия - Брюссель.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Состязание в стрельбе. Солдаты и бюргеры с

арбалетами.

Иеттер, брюссельский бюргер, портной, выступает

вперед и натягивает тетиву.

Зоост, брюссельский бюргер, лавочник.

Зоост. А ну стреляй, пора уж кончать! Три черных круга, куда вам до меня! В нынешнем году я буду мастером.

Иеттер. Мастером, да еще и королем{1} вдобавок. Никто у вас этой чести не оспаривает. Только что за выпивку придется вам заплатить вдвойне, как положено, а значит, и за свое уменье.

Бойк - голландец, солдат из войска Эгмонта.

Б о й к. Иеттер, я хочу перекупить у вас этот выстрел, выигрыш, конечно, пополам, угощение за мой счет: я здесь уже давно и обязан расплатиться за гостеприимство. Ежели я промахнусь, все будет, как если бы стреляли вы.

З о о с т. Не стоило бы мне соглашаться. Пожалуй, я в накладе останусь, ну да ладно, будь что будет.

Б о й к (стреляет). Итак, ваше шутейшество! Раз, два, три, четыре!

З о о с т. Четыре мишени? Вот это да!

В с е. Ура, королю! Ура! И еще раз ура!

Б о й к. Благодарю, господа. Я и на мастера-то не надеялся! Благодарю за честь.

И е т т е р. Вам себя благодарить надо.

Ройсюм, фрисландец, инвалид, тугой на ухо.

Р о й с ю м. Да, доложу я вам!

З о о с т. Что? Что, старик?

Р о й с ю м. Да, доложу я вам! Стреляет не хуже своего начальника, Эгмонта.

Б о й к. Куда мне до него, я так - мелкая сошка. Никто на свете метче Эгмонта не стреляет. И не только когда ему везет или уж очень охота припала, нет. Прицелится и - прямо в черный кружок. Я его выученик. Грош цена парню, который у такого стрелка служил и ничему не научился. Однако, господа, не забывайте! Король кормит своих людей. Вина! Выпьем за королевский счет!

И е т т е р. У нас заведено, что каждый...

Б о й к. Я человек пришлый, да вдобавок король, что мне ваши законы и обычаи!

И е т т е р. Ты, значит, хуже испанца, он и то их до поры до времени соблюдает.

Р о й с ю м. Что?

З о о с т (громко). Бойк сам собирается нас потчевать, а складчины не хочет, не хочет, чтобы король всего лишь вдвойне платил.

Р о й с ю м. Ну и пусть. К черту все эти правила. Его начальник тоже любит угощать от своих щедрот - пусть, мол, пьют сколько влезет.

Они приносят вино.

В с е (хором). За здоровье вашего величества!

И е т т е р (Бойку). Именно вашего...

Б о й к. Ну что ж, благодарю вас, коль так положено.

З о о с т. Ваше здоровье! Ни один нидерландец от чистого сердца не провозгласит здравицу за испанского короля!

Р о й с ю м. За кого?

З о о с т (громко). За Филиппа Второго, короля Испании.

Р о й с ю м. Да дарует господь долгую жизнь нашему всемилостивейшему королю и повелителю.

З о о с т. А его августейшего родителя, Карла Пятого, разве меньше почитали?

Р о й с ю м. Упокой, господи, его душу! Вот был король так король! Его десница простерлась над божьим миром из конца в конец, всем он был и всем ведал, а встретит тебя и приветствует, как сосед соседа, если же ты испугался, он этак ласково с тобой... Ну да поймите меня правильно. Он гулять ходил или верхом ездил, когда ему вздумается, а свиты с ним было всего ничего. Мы себе глаза выплакали, когда он уступил сыну власть над нами, вот я и говорю, поймите меня правильно. Сыну до его простоты далеко сын-то поспесивее будет.

И е т т е р. Он здесь являлся народу не иначе как в торжественном облачении и при всех королевских регалиях. И, говорят, все больше помалкивал.

З о о с т. Такой властитель нам, нидерландцам, не по нраву. Нам нужен государь свободный и веселый, как мы сами, пусть бы сам жил и другим жить давал. Какие мы ни есть добродушные дурни, а гнет и презрение - не про нас.

И е т т е р. Король, думается мне, был бы помилостивее, будь у него добрые советчики.

З о о с т. Нет, нет! Не по душе ему нидерландцы и не по вкусу, он нас не любит, так как же, спрашивается, нам его любить? Почему все у нас привержены графу Эгмонту? Почему его мы чуть ли не на руках носим? Да потому, что он желает нам добра, потому, что веселость,

широта и благожелательство у него в лицо написаны, потому что нет у Эгмонта ничего, чем бы он не поделился с тем, у кого в этом нужда, да и без особой нужды тоже. Да здравствует граф Эгмонт! Бойк, тебе положено первому выпить за его здоровье! Так давайте же сдвинем кубки.

Б о й к. За графа Эгмонта!

Р о й с ю м. Победителя при Сен-Кентене!{2}

Б о й к. Героя Гравелингена!{3}

В с е (хором). Да здравствует Эгмонт!

Р о й с ю м. Сен-Кентен - это была моя последняя битва. Я насилу выбрался, едва тащил свое оружие. А все-таки еще разок пальнул по французам, а он напоследок подшиб мне правую ногу.

Б о й к. Гравелинген! Други. То-то было дело! Однако победа досталась нам и только нам! Эти чужеземные псы огнем и мечом опустошали Фландрию, но мы им поддали жару. Старые, закаленные они были вояки и стояли до последнего, а мы рубили, кололи, жгли, куда рожки у них не перекошило и ряды наконец не разомкнулись. Под Эгмонтом в бою пала лошадь, мы же все бились и врукопашную, и всадник против всадника, и отряд против отряда у самого моря, на широкой песчаной полосе. И вдруг точно с неба - бах! бах! От устья реки пушечные ядра так и посыпались на французам. Оказалось, английский флот под флагом адмирала Малина проходил здесь откуда-то из-под Дюнкеркена{4}. Конечно, толку от англичан было не больно-то много, подойти они могли разве что на маленьких суденышках, да и то не очень близко, а их ядра попадали и в нас - и все-таки нам это было на руку! Сломали они наших врагов, а мы воспряли духом. Каша тут заварилась отчаянная, что и говорить! Огонь, грохот. Все сметено с лица земли, все сброшено в воду! Француз - не успеет воды хлебнуть и мигом на дно, а мы, голландцы, за ним ныряем. Мы ведь земноводные и в воде что твои лягушки, вот мы и добивали их в реке, стреляли по ним, как по уткам. Кому все-таки удалось выбраться на сушу, тех деревенские бабы топорами да вилами добивали. Куда уж тут деться французскому величеству - запросил пардона. Вот этим-то миром вы обязаны нам, вернее, великому Эгмонту!

В с е (хором). Да здравствует, да здравствует великий Эгмонт! Ура!

И е т т е р. Эх, посадили бы его у нас правителем вместо Маргариты Пармской{5}.

З о о с т. Ну, потише! Прошу прощения! Не позволю я сам хулить Маргариту. Теперь я скажу: да здравствует наша всемилостивейшая государыня!

В с е (хором). Да здравствует!

З о о с т. Честное слово, достойнейшими женщинами дарит нас этот дом. Да здравствует правительница!

И е т т е р. Она умна и во всем знает меру; одно плохо - очень уж льнет к полам. Не без ее старанья у нас прибавилось четырнадцать штук новых епископских шапок. На что они нам сдались? Конечно, так удобнее пристраивать на теплое местечко то одного, то другого чужеземца. Прежде настоятелей выбирали наши капитулы. И нам прикажете верить, что это делается во имя религии? Как бы не так! С нас и трех епископов было предостаточно. При них все шло честь по чести. А нынче всякий норовит доказать, будто он невесть как необходим, и тут уж свары не оберешься. А чем больше взбалтывать да встряхивать, тем больше мути.

Пьют.

З о о с т. На то воля короля, правительница тут не вольна ни убавить, ни прибавить.

И е т т е р. Нынче уж и новые псалмы петь не смей{6}. А стишки до того складные, и мотив прямо за душу хватает. Похабные песенки - это пожалуйста, сколько угодно. А почему, спрашивается? В псалмах, мол, ереси дополна, толкуют они, и еще бог знает что говорят. Я тоже их пел и ничего такого не заметил - все враки.

Б о й к. А почему же, спрашивается, в нашей провинции мы что хотим, то и поем? Да потому, что у нас наместником граф Эгмонт, он в такие дела не суется. В Генте, в Иперне{7}, во всей Фландрии люди что хотят, то поют. (Громко.) Да и что может быть невиннее псалмов? Верно я говорю, отец?

Р о й с ю м. Еще бы! Это ведь богослужение, душеполезная песнь.

И е т т е р. А они твердят: не по-ихнему де эти псалмы написаны, вот и выходит, что их лучше не петь. Слуги инквизиции повсюду снуют, выслеживают да вынюхивают; сколько уж честных людей из-за них голову сложило. Не хватает только, чтобы над нашей совестью измывались. Коли уж нельзя мне делать, что я хочу, дали бы, по крайней мере, думать и петь, что на ум взбредет.

З о о с т. Ничего инквизиция не добьется. Мы не испанцы и совесть свою тиранить не позволим. Дворянству тоже пора подумать, как инквизиции крылышки подрезать.

И е т т е р. Легко сказать. Если эти голубчики вздумают нагрять ко мне в дом, а я спокойно сижу за работой, мурлычу себе под нос французский псалом и ровнешенько ничего не думаю, ни худого, ни хорошего, просто напеваю то, что у меня на языке вертится, - все равно меня объявят еретиком и сволокут в тюрьму. Или иду я, скажем, по деревне и останавливаюсь возле кучки людей, которые слушают нового проповедника, знаешь, одного из тех, что из неметчины прибыли. Меня тут же, на месте, объявят мятежником, а там уж, пожалуй, и голова с плеч долой. Доводилось вам слышать кого-нибудь из этих приезжих?

З о о с т. Бравый они народ. Намедни, я слышал, один в поле речь держал перед тысячами и тысячами людей. Скажу прямо - это вам не

та латинская бурда, которой нас почитуют с кафедры. Этот без обиняков говорил, как нас до сих пор морочили и в темноте держали и как нам правдою просветиться. И все по Библии, слово в слово.

И е т т е р. Да ведь так оно, верно, и есть. Я уж сам немало об этом думал.

Б о й к. Потому и народ за ними по пятам ходит.

З о о с т. А как же, кому неохота услышать новое да еще доброе слово.

И е т т е р. Ну и что? Почему нельзя каждому проповедовать на свой лад?

Б о й к. Поживей, ребята! Вы так усердно языки чешете, что забыли о вине и об Оранском{8}.

И е т т е р. Об Оранском забывать не след. Он для нас - каменная стена. Стоит только о нем подумать, и кажется - вот за кем ты укроешься, так что сам черт тебя не достанет. За здоровье Вильгельма Оранского! Ура!

В с е (хором). Ура! Ура!

З о о с т. Ну, старик, вымолви и ты словечко!

Р о й с ю м. За бывалых солдат. За всех солдат! Да здравствует война!

Б о й к. Bravo, старче! За всех солдат! Да здравствует война!

И е т т е р. Война! Война! Вы сами не понимаете, что кричите! Слово это у вас само собой с языка срывается. И не диво, но нашему брату от него, ей-богу, так тошно становится, что и не скажешь. Весь год слушать грохот барабанов да разговоры, что этот-де отряд наступает оттуда, а тот отсюда, один взял высоту и остановился у мельницы, сколько там народу полегло, а сколько здесь, кто деру дает, а кто вперед продвигается, да еще, хоть тресни, не поймешь, кто же все-таки внакладе, а кто в выигрыше. Или и того лучше: взяли какой-то город, перебили всех мужчин и замучили несчастных женщин и невинных младенцев. От тоски и страха сердце замирает. Только и думаешь: "Вот придут и с нами то же сделают!"

З о о с т. Потому-то каждый бюргер обязан владеть оружием.

И е т т е р. В первую очередь семейный. И все-таки я предпочитаю слушать о солдатах, нежели смотреть на них собственными глазами.

Б о й к. Это уж, кажется, в мой огород.

И е т т е р. Я не об вас говорю, земляк. Мы только и вздохнули, как разделались с испанцами.

З о о с т. Видать, тебе с ними туго пришлось.

И е т т е р. Придержи язык.

З о о с т. Много, что ли, они навольничали, когда у тебя стояли?

И е т т е р. Молчать, говорят тебе.

З о о с т. Прогнали тебя из кухни, из погреба, из дому, а главное, из постели.

Смеются.

И е т т е р. Ох, дурья твоя башка!

Б о й к. Мир, господа! Неужто солдату пить за мир? Ну, а если вы об нас и слышать не хотите, пейте за собственное свое здоровье, за здоровье мирных бюргеров.

И е т т е р. Что ж, охотно! За безопасность и покой!

З о о с т. За свободу и порядок!

Б о й к. Идет! С удовольствием присоединяемся.

Чокаются и весело повторяют последние слова, но

каждый говорит другое и на свой лад, отчего

получается нечто вроде канона. Старик прислушивается

и наконец вступает в общий хор.

В с е. За безопасность и покой! За свободу и порядок!

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Маргарита Пармская в охотничьем платье.

Придворные. Пажи. Слуги.

П р а в и т е л ь н и ц а. Отставить охоту, сегодня я на коня не сяду. И позовите ко мне Макиавелли{9}.

Все уходят.

Мысль об этих страшных событиях не дает мне покоя! Ничто меня не радует, ничто не веселит. Никуда мне не деться от этих образов, не уйти от забот. Король скажет - вот они, плоды твоего мягкосердечия, твоей снисходительности. И все же совесть говорит мне, что в каждое из роковых мгновений я поступала разумно и правильно. Неужто надо было мне порывом гнева раздуть огонь так, чтобы он вспыхнул повсеместно? Я надеялась, что не дам ему распространиться, что он заглохнет сам собою. Да, все, что я говорю себе, все, что я знаю, служит мне оправданием, но как на это посмотрит мой брат? Я не вправе отрицать - наглость чужеземных проповедников{10} росла день ото дня; они глумились над нашей святыней, они пробудили темные чувства черни, заразили ее духом лжи и сумасбродства. Грязные люди затесались в толпу смутьянов, и свершились ужасные деяния, о которых и подумать-то страшно, а я теперь должна сообщать о них испанскому двору подробно и незамедлительно, дабы молва меня не опередила, дабы король не подумал, что от него таят еще более страшное. Как мне одолеть это зло, не знаю, то ли жестокой расправой, то ли милосердием. Мало значим мы, сильные мира сего, в волнах житейского моря. Нам кажется, что мы властвуем над ними, а они возносят и низвергают нас, подхватывают и несут то в одну, то в другую сторону.

Входит Макиавелли.

Письма королю уже заготовлены?

М а к и а в е л л и. Через час вы сможете скрепить их своей подписью.

П р а в и т е л ь н и ц а. Отчет изложен достаточно подробно?

М а к и а в е л л и. Подробно и обстоятельно, во вкусе короля. Я говорю в нем, что все началось с иконоборческого неистовства, вспыхнувшего в окрестностях Сент-Омера{11}. Далее рассказываю: как обезумевшая толпа с дубинками, ломami и топорами, с веревками и веревочными лестницами, под охраной небольшого отряда своих вооруженных приспешников, ворвалась в часовни, в церкви и монастыри, изгнала верующих, взломала монастырские ворота, все перевернула вверх дном, сорвала алтари, разбила статуи святых, попортила иконы - словом, смела, перебила, разнесла в щепы, растоптала все священное и освященное, что встретилось на ее пути. И еще, как постепенно множилось число этого сброда, и когда жители Иперна распахнули перед ними городские ворота, они с невероятной быстротой разграбили собор и сожгли библиотеку епископа. И дальше: как эта толпа, объятая безумием, двинулась на Менин, Комин, Фервик, Лилль{11}, нигде не встречая сопротивления, и в единый миг чуть ли не вся Фландрия была охвачена небывалым мятежом.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ах, какая боль пронзает мне сердце, когда все вновь встает передо мной. И вдобавок страх, - ведь зло может расти и расти. Что вы думаете об этом, Макиавелли?

М а к и а в е л л и. Прошу прощенья, ваше высочество, но думы мои безотрадны. Вы всегда были довольны тем, как я служу вам, но редко внимали моим советам. И в шутку частенько говаривали: "Уж очень далеко заходят твои мысли, Макиавелли! Тебе бы историю писать: тот, кто действует, обязан печься о ближайшем будущем". И тем не менее разве я не предсказывал того, что случилось? Не предвидел этого наперед?

П р а в и т е л ь н и ц а. Я тоже многое предвижу, но ничего не могу предотвратить.

М а к и а в е л л и. Скажу кратко: новое вероучение подавить невозможно. Так не трогайте его, отделите прозелитов от исповедующих истинную веру, пусть строят свои церкви, пусть вольются в общегосударственный строй, это их свяжет по рукам и ногам, и вы умиротворите смутьянов. Все иные средства бесполезны, и страна окажется вконец разоренной.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ты разве позабыл, с каким возмущением мой брат отверг даже самый вопрос, можно ли терпимо отнестись к новому вероучению? Разве ты не знаешь, что в каждом письме он настойчиво требует от меня всемерной поддержки истинной веры? И даже слышать не желает о том, чтобы спокойствие и единение были восстановлены ценой религиозных уступок? Разве ты забыл, что даже в провинциях он держит шпионов - нам с тобой они неведомы, - дабы знать, кто склоняется к новой вере. Разве, к вящему нашему удивлению, не назвал он имена тех из наших приближенных, что втайне придерживаются ереси? Разве не требует он от нас беспощадной суровости? А ты говоришь мне о мягкости? Советуешь просить его о снисхождении, о терпимости? Он ведь лишит меня своего доверия и благосклонности.

М а к и а в е л л и. Я знаю, король шлет сюда приказы, дабы поставить вас в известность о своих намерениях. Вам надлежит восстановить спокойствие и мир путем, который только пуще озлобит умы и повсюду неизбежно раздует пламя гражданской войны. Обдумайте свои поступки. Крупнейшие купцы, дворянство, народ, солдаты - все заражены ересью. Что толку упорствовать, ежели все изменяется вокруг нас? О, если бы добрый гений внушил Филиппу, что королю больше пристало править подданными двух вероисповеданий, чем понуждать их к истреблению друг друга.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ни слова больше. Я знаю, что политика лишь редко позволяет нам быть верными не за страх, а за совесть, что она искореняет в наших сердцах доброту, искренность, сговорчивость. В делах мирских, увы, иначе не бывает. Но неужто нам и с господом лукавить, как мы лукавим между собой? Неужто пребывать равнодушными к исконной нашей вере, за которую многие, очень многие сложили головы? Неужто принести ее в жертву неведомо как возникшим сомнительным, противоречивым новшествам?

М а к и а в е л л и. Надеюсь, мои слова не заставят вас плохо думать обо мне.

П р а в и т е л ь н и ц а. Я знаю тебя, знаю твою верность и понимаю, что можно, будучи честным и разумным человеком, не найти кратчайшего пути к спасению своей души. Есть и другие мужи, Макиавелли, которых я и ценю и порицаю.

М а к и а в е л л и. Кто же это?

П р а в и т е л ь н и ц а. Должна признаться, что сегодня Эгмонт расстроил меня до глубины души.

М а к и а в е л л и. Эгмонт? Чем?

П р а в и т е л ь н и ц а. Обычным своим легкомыслием и беспечностью. Страшная весть настигла меня, когда я со всей свитой, Эгмонт тоже сопровождал меня, возвращалась из церкви. Я не сумела скрыть свою боль и стала громко сетовать, а потом, оборотясь к нему, воскликнула: “Что же это творится в вашей провинции! И как вы можете терпеть такое, граф? Король ведь всем сердцем вам верил”.

М а к и а в е л л и. И что же он ответил?

П р а в и т е л ь н и ц а. Ответил так, словно речь шла о пустяках, о досадной случайности. “Прежде всего нидерландцы должны быть уверены в незыблемости старых порядков! Остальное приложится”.

М а к и а в е л л и. Возможно, в его словах правда возобладала над разумом и благочестием. Да и как может возникнуть и упрочиться доверие, если нидерландцы поняли, что испанцы не столько пекутся об их благе и спасении души, сколько посягают на их имущество? Для них очевидно, что новые епископы спасли меньше душ, чем захватили богатых приходов, не говоря уж о том, что почти все они чужеземцы. Наместничества пока еще в руках нидерландцев, но испанцы уже точат зубы на этот лакомый кусочек. А ведь любой народ хочет, чтобы им правили его одноплеменники, по его обычаям, а не пришлые люди, которым важно одно - обогатиться, которые все меряют своей мерой, правят не дружелюбно и безучастно?

П р а в и т е л ь н и ц а. Ты становишься на сторону наших врагов.

М а к и а в е л л и. Сердцем, конечно, нет. Но как бы я хотел и разумом быть на нашей стороне.

П р а в и т е л ь н и ц а. Если таково твое желанье, то я должна уступить им свои права, ибо Эгмонт и Оранский только и мечтают заполучить их. Некогда они были врагами, теперь, объединившись против меня, они неразлучные друзья!

М а к и а в е л л и. Опасный союз!

П р а в и т е л ь н и ц а. Говоря откровенно - я страшусь Оранского и боюсь за Эгмонта. Оранский замышляет недоброе, мысль его заходит слишком далеко, лукавый человек, он словно бы со всем соглашается, никогда не спорит, благоговейно меня выслушивает и с величайшей осмотрительностью преследует собственные цели.

М а к и а в е л л и. Эгмонт же, наоборот, ни на что не оглядываясь, как хозяин, шагает по жизни.

П р а в и т е л ь н и ц а. И высоко держит голову, не помня о том, что и над ним простерта длань его величества.

М а к и а в е л л и. Взоры всего народа устремлены на него, все сердца ему преданы.

П р а в и т е л ь н и ц а. Никогда он не подал вида, что с него могут потребовать отчета. Вдобавок он носит имя Эгмонт. Ему приятно, когда к нему обращаются “граф Эгмонт”, словно он боится позабыть, что его предки были владетельными князьями в Гельдерне{12}. Почему он не называет себя принцем Гаврским, как то ему подобает? Почему? Ужель он хочет вернуть к жизни былые свои права?

М а к и а в е л л и. Я считаю его верным слугою короля.

П р а в и т е л ь н и ц а. Стоит ему захотеть, и сколько пользы он мог бы принести правительству, вместо того чтобы даже во вред себе доставлять нам так много огорчений. Его пиры, празднества, попойки теснее и надежней сплотили дворянство, чем самые опасные и тайные сборища. От его здравий у гостей голова идет кругом и хмель так никогда и не выветривается. А как он умеет будоражить народ шуточными своими речами и повергать в изумление чернь глупейшими эмблемами на ливреях своей свиты!{13}

М а к и а в е л л и. Я уверен, что тут никакого умысла нет.

П р а в и т е л ь н и ц а. Допустим. Но я уже сказала: он вредит нам без пользы для себя. Серьезное он обращает в шутку, а мы, боясь прослыть ленивыми и неповоротливыми, вынуждены шутки принимать всерьез. Одно ведет за собою другое, и то, от чего стараешься убежать, всего быстрее тебя настигает. Эгмонт опаснее любого главаря заговорщиков, и я вряд ли ошибусь, сказав, что при дворе его считают способным на все. Не скрою, он часто, увы, слишком часто, ранит мои чувства.

М а к и а в е л л и. По-моему, он всегда действует согласно велениям своей совести.

П р а в и т е л ь н и ц а. У его совести льстивое зеркало. Поведеье же Эгмонта зачастую оскорбительно. Иной раз кажется, что он живет в полнейшем убеждении - он-де господин и только любезно не дает нам этого почувствовать, из учтивости не изгоняет нас из страны, впрочем, рано или поздно и это случится.

М а к и а в е л л и. Молю вас, не толкуйте так превратно его прямодушие, его способность ко всему относиться с завидной легкостью. Этим вы только повредите ему и себе.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ничего я не толкую, а говорю лишь о неизбежных последствиях, к тому же я знаю Эгмонта. Исконное

нидерландское дворянство. “Золотое руно”{14} на груди лишь увеличивает его веру в себя, его отвагу. То и другое может, конечно, его защитить от самодержавного гнева Филиппа. Но вдумайся поглубже - и ты поймешь, что в несчастьях Фландрии виновен не он один. Он первый выказал снисхождение к пришлым проповедникам, возможно, не придавал им большого значения, а возможно, в душе порадовался, что нам с ними хлопот будет не обернуться. Нет, дай сказать! Сейчас мне представился случай сбросить камень с сердца. Я не стану попусту тратить стрелы; я знаю его слабое место, - да, оно есть и у Эгмонта.

М а к и а в е л л и. Вы повелели созвать совет? Оранский тоже прибудет на него?

П р а в и т е л ь н и ц а. Я послала за ним в Антверпен. Хочу перевалить на них хоть толику ответственности, пусть вместе со мной противостоят злу или, не скрываясь, объявят себя мятежниками. Поспеши с письмами и представь их мне на подпись. И сразу же пошли в Мадрид нашего испытанного Васка, он неутомим и предан, пусть же первый принесет эту весть моему брату, лишь бы молва его не опередила. Я сама скажу ему несколько слов, прежде чем он отправится в путь.

М а к и а в е л л и. Ваши приказания будут исполнены точно и незамедлительно.

БЮРГЕРСКИЙ ДОМ

К л а р а. Мать Клары. Бракенбург.

К л а р а. Подержите мне, пожалуйста, пряжу, Бракенбург.

Б р а к е н б у р г. Прошу вас, увольте, Клэрхен.

К л а р а. Что с вами опять? Почему вы не хотите оказать мне маленькую услугу?

Б р а к е н б у р г. Этими нитками вы накрепко привяжете меня к себе, и я уже не вырвусь.

К л а р а. Пустое! Подойдите поближе!

М а т ь (вяжет, сидя в кресле). Лучше спойте что-нибудь! Бракенбург так хорошо тебе вторит. Бывало, вы веселые песни пели, а я на вас радовалась.

Б р а к е н б у р г. Бывало!

К л а р а. Хорошо, мы споем.

Б р а к е н б у р г. Как вам угодно.

К л а р а. Только, чур, петь бойко и живо! Это солдатская песенка, моя любимая. (Она мотает пряжу и поет вместе с Бракенбургом.)

И флейта играет!

И трубы гремят!

Ведет мой любимый

На битву отряд.

Копье поднимает,

Бойцов созывает.

Как сердце тревожно

Стучит у меня!

О, если б мне саблю,

Ружье и коня!

Скакала б я с милым

Средь голых полей,

По дымным дорогам

Отчизны моей.

Враги отступают,

Мы гоним их вспять.

Нет большего счастья,

Чем воином стать!

Покуда они поют, Бракенбург то и дело взглядывает на Клэрхен. Под конец голос у него срывается, на глазах выступают слезы, он роняет моток и идет к окну. Клэрхен одна заканчивает песню, мать кивает в такт и смотрит на нее укоризненно, потом встает, хочет подойти к Бракенбургу, но не решается и снова садится в кресло.

М а т ь. Что там такое на улице, Бракенбург? Похоже, солдаты идут.

Б р а к е н б у р г. Да, телохранители правительницы.

К л а р а. В этот час? С чего бы? (Встает и тоже подходит к окну.) Это не обычный караул, а чуть ли не вся окольная рать. О, Бракенбург, подите узнайте, что там такое. Наверно, какая-нибудь беда стряслась. Подите, мой милый, я вас очень прошу.

Б р а к е н б у р г. Иду! Иду! И сейчас же ворочусь. (Уходя, протягивает ей руку, она пожимает ее.)

М а т ь. Ты опять его отослала!

К л а р а. Меня разбирает любопытство. Не осуждайте меня, матушка, его присутствие причиняет мне боль. Я не знаю, как вести себя с ним. Я перед ним виновата, и совесть гложет меня, он все так близко принимает к сердцу. Но что я могу поделать?

М а т ь. Такой славный, такой преданный юноша.

К л а р а. Вот почему я не в силах оттолкнуть его и неизменно с ним приветлива. Но я поневоле отдергиваю руку, когда его рука бережно и любовно ее касается. Поверьте, я жестоко упрекаю себя за то, что обманываю его, даю ему напрасно надежду. Мне это невыносимо. Хотя, видит бог, моей вины тут нет. Не хочу я, чтобы он питал надежды, но и не могу ввергнуть его в отчаяние.

М а т ь. Плохо ты поступаешь.

К л а р а. Он был мне дорог, в душе я и сейчас хорошо к нему отношусь. Я могла стать его женой, но никогда не была в него влюблена.

М а т ь. Ты всегда была бы с ним счастлива.

К л а р а. Жила бы в достатке, мирком да ладком.

М а т ь. И все ты сама разрушила.

К л а р а. В странное я попала положение. Начну думать, как же это случилось, и ничего в толк не возьму. Но едва завизжу Эгмонта, и все мне становится понятно, понятно до последней мелочи. Что он за человек! Все провинции его боготворят, так ужели мне, в его объятиях, не быть счастливейшей на свете?

М а т ь. А дальше-то что будет?

К л а р а. Я задаюсь лишь одним вопросом: любит ли он меня? Любит ли? Да что тут спрашивать!

М а т ь. Матери только и знают, что дрожать за детей. Беда, ох, беда! Чует мое сердце, до добра это нас не доведет. Ты себя сделала несчастной и меня заодно.

К л а р а (сухо). Первое время вы ни в чем меня не упрекали.

М а т ь. Я была слишком добра, увы, я всегда слишком добра.

К л а р а. Когда Эгмонт верхом проезжал мимо нас и я бежала к окну, разве вы меня бранили? Вы и сами торопились взглянуть на него. Когда он поднимал глаза, улыбался, кивал мне в знак приветствия, разве вас это огорчало? Разве вы не чувствовали себя польщенной его вниманием к вашей дочери?

М а т ь. Я же еще и виновата.

К л а р а (взволнованно). А когда он стал часто ездить по нашей улице и мы поняли, что он ездит ради меня, разве вы втайне не радовались? Разве хоть раз приказали мне отойти, когда я, прильнув к окну, поджидала его?

М а т ь. Не думала я, что все зайдет так далеко.

К л а р а (прерывистым голосом, с трудом сдерживая слезы). А когда однажды вечером, закутанный в плащ он нежданно-негаданно зашел к нам на огонек - вы хлопотали, чтобы получше его принять, а я, обомлев от изумления, как прикованная сидела на месте.

М а т ь. Могла ли я подумать, что эта злосчастная любовь так скоро завладеет моей разумницей Клэрхен? А теперь я должна терпеть, что моя дочь...

К л а р а (разражаясь слезами). Матушка! Вы этого хотели. Теперь вам угодно стращать меня.

М а т ь (плача). Ну, плачь, плачь. Пусть твое горе сделает меня еще несчастнее! Мало мне того, что моя дочь - погибшее создание!

К л а р а (встает, холодно). Погибшее создание? Возлюбленная Эгмонта погибшее создание? Любая принцесса позавидует бедной Клэрхен, занявшей место в его сердце! О матушка, раньше вы не так говорили. Милая моя матушка, не все ли равно, что думают люди, о чем шепчутся соседки... Эта комната, этот домик - рай с тех пор, как здесь живет любовь Эгмонта.

М а т ь. Да, Эгмонт редкий человек, радостный, приветливый, открытый.

К л а р а. В нем и капли фальши нет. Подумай, мать, ведь он - великий Эгмонт. А когда приходит ко мне, до чего же он добрый, ласковый! Он не помнит ни о своей доблести, ни о своем сане! А как он обо мне печется! Подле меня он только человек, только возлюбленный и друг.

М а т ь. Ты сегодня ждешь его?

К л а р а. Разве вы не заметили, что я то и дело подбегаю к окну? Не заметили, что прислушиваюсь к любому шороху у двери? Знаю, ведь до вечера он не придет, а все равно жду его каждое мгновение. С самого утра жду. О, будь я мальчиком, я всегда была бы при нем - и ко двору бы его сопровождала, и повсюду! А в битве несла бы за ним знамя.

М а т ь. Ты с малолетства была взбалмошной: то носишься как полоумная, то вдруг задумаешься. Хоть пошла бы приоделась.

К л а р а. Хорошо, матушка. Если скука меня одолевает. А знаешь, вчера кучка его солдат проходила мимо нас, они пели песни про него, хвалу ему пели. Я, правда, только его имя расслышала, не слова. Я думала, сердце у меня сейчас выскочит... Хотела их окликнуть, да постеснялась.

М а т ь. Остереглась бы немножко! Смотри, все напортишь своей горячностью; ты ведь выдаешь себя с головой. Намедни у двоюродного брата увидала гравюру и что на ней написано, да как закричишь: "Граф Эгмонт!" Я со стыда сгорела.

К л а р а. Попробуй тут не вскрикни! Вижу: битва при Гравелингене, а на картине, наверху, буква "А", смотрю, что внизу написано, а там стоит: "Граф Эгмонт в тот миг, когда под ним убило коня". У меня мороз по коже пробежал, а потом стал смех разбирать. Эгмонт-то на картинке ростом с гравелингенскую башню, что за ним высится, и с английские корабли, они сбоку. Вспомнила я, как девочкой представляла себе битву и графа Эгмонта, когда вы мне рассказывали о нем и еще об разных графах и принцах, - а нынче...

Входит Бракенбург.

Ну, что там такое?

Б р а к е н б у р г. Толком никто ничего не знает. Говорят, во Фландрии беспорядки. Правительница делает все возможное, чтобы они не перекинулись сюда. В замок стянуты войска, горожане охраняют ворота, народ на улицах так и гудит. Мне надобно скорее идти к старику отцу. (Делает шаг к двери.)

К л а р а. Надеюсь, завтра мы вас увидим. Сейчас я должна немножко приодеться. Придет двоюродный брат, а я уж совсем домашнему. Помогите мне, пожалуйста, матушка. А вы, Бракенбург, возьмите книгу и завтра принесите такую же интересную.

М а т ь. Всего вам хорошего.

Б р а к е н б у р г (протягивая руку). Дайте мне руку на прощанье.

К л а р а (не давая руки). Мы же завтра увидимся. (Уходит вместе с матерью.)

Б р а к е н б у р г (один). Я уж совсем было решил уйти навсегда, но она, глазом не моргнув, меня отпустила, и я схожу с ума. Несчастный! Или тебя не трогают судьбы отечества, не трогает возрастающая смуга? Испанец или соотечественник - тебе все равно, кто властвует над твоим народом, кто прав и кто виноват! Не таков я был школьником! Задали нам как-то раз сочинение: "Речь Бруга о свободе, как образец ораторского искусства" {15} - ты и тогда оказался первым, Фриц, а учитель заметил: "Если бы ты еще излагал упорядоченно, а не рубил сплеча..." В то время все во мне кипело, все гнало меня вперед!.. Теперь я готов ползать в ногах у этой девушки! Нет, не могу я ее оставить! А она не может меня полюбить!.. Ах... нет... она... но и бросить... совсем бросить не может... Так и получается - середка наполовинку! Больше я не выдержу! Ужели правда то, что мне намедни шепнул один мой друг? Будто по ночам она украдкой впускает мужчину в свой дом. Меня-то она, чуть стемнеет, стыдливо выставляет за дверь. Нет, неправда, это ложь, клевета, позорные наветы! Клэрхен так же невинна и чиста, как я несчастен. Она отвергла меня, изгнала из своего сердца! И мне - жить дальше? Нет, у меня не останется сил... Мое отечество истерзано распрей, а я угасаю среди всей этой сумятицы! Нет больше сил. Звук трубы, гром выстрела пронзают меня до мозга костей. Но не зовет схватиться с врагом, рискнуть жизнью за спасение родины! Ужасное, постыдное состояние! Лучше мне разом покончить с собой. Вчера я бросился в воду, пошел ко дну, но страх, заложенный в человеке природой, возобладал надо мной; я вдруг почувствовал, что плыву, и остался жить - против воли... Если бы я мог забыть пору, когда она любила меня или когда мне казалось, что любит! Зачем счастье насковозь пронзало меня? Как случилось, что надежда, посулив мне рай, отняла у меня всякую радость жизни? А тот первый поцелуй! Единственный! Вот здесь (кладет руку на стол) мы сидели вдвоем - она всегда обходилась со мной дружелюбно, по-доброму, а тут словно растаяла - взглянула на меня... все мысли мои спутались... и я ощутил прикосновение ее губ на своих губах... И... и... что же нынче? Умри, злосчастный! Чего ты медлишь? (Вынимает флакончик из кармана.) Недаром же я выкрал тебя из аптечки моего брата, целебный яд! Ты мгновенно избавишь меня от пустых мечтаний, от смертной тоски,

от холодного пота.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПЛОЩАДЬ В БРЮССЕЛЕ.

Иеттер и плотник встречаются.

П л о т н и к. Разве я все не сказал наперед? Еще на прошлой неделе, когда цех собрался, я говорил: смуга теперь начнется несусветная.

И е т т е р. А правда, что во Фландрии они все церкви разграбили?

П л о т н и к. Дочиста. И церкви и часовни. Одни голые стены оставили. Босаячня проклятая! Нашему правому делу как напортили! Надо было нам раньше, честь честью, настаивать перед правительницей на своих правах, и точка. Ежели мы сейчас об них заговорим, ежели сейчас соберемся, сразу пойдут разговоры, что мы-де к бунтовщикам примкнули.

И е т т е р. Да, теперь каждый думает: чего тебе первому нос совать? От носа и до шеи недалеко.

П л о т н и к. Страх берет, когда сброд бушевать начинает, им ведь терять нечего. Мы за свои права стоим, а для них наши права - пустая отговорка; они всю страну загубят.

Подходит Зоост.

З о о с т. Добрый день, судари мои. Что новенького? Правду ли говорят, будто иконоборцы на нашу столицу пошли?

П л о т н и к. Тут им поживиться не дадут.

З о о с т. Ко мне солдат зашел, табаку купить{16}, я его и повыспросил. Правительница уж какая бравая, умная женщина, а и та растерялась. Плохо, видно, дело, если она за своих стражников прячется. Замок ими битком набит. Поговаривают, будто она собралась бежать из города.

П л о т н и к. Ну уж это напрасно! Ее присутствие - наша защита, да и мы ее сумеем защитить получше, чем эти усачи. А коли она сохранит нам наши права и вольности, так мы ее на руках носить будем.

К ним подходит мыловар.

М ы л о в а р. Худо дело! Хуже не бывает! Все летит вверх тормашками! Да, теперь надо тихо сидеть, а то, глядишь, бунтовщиками объявят.

З о о с т. Скажите на милость, еще предсказатель сыскался.

М ы л о в а р. Я знаю, тут многие сторону кальвинистов держат, епископов чествуют и королю спуска не дают. Но верноподданный, настоящий католик, тот...

Мало-помалу вокруг них собирается разношерстная

публика и прислушивается.

Подходит Фансен.

Ф а н с е н. Доброго здоровья, господа! Что нового?

П л о т н и к. Не связывайтесь с ним, дрянь он, а не человек.

И е т т е р. Он, кажется, писец у доктора Витца?

П л о т н и к. Этот уж много господ переменял. Сначала был писцом, а как хозяева, один за другим, его повыгоняли за мошеннические проделки, стал то ли подпольным адвокатом, то ли нотариусом. Ко всему он еще и пьяница.

Подходит еще народ. Стоят, разбившись на кучки.

Ф а н с е н. Вот и вы сюда пришли, видать, пощущукаться. Да, разговор-то интересный.

З о о с т. И я так полагаю.

Ф а н с е н. Будь у кого-нибудь из вас сердце, а у другого еще и голова в придачу, мы бы вмиг разорвали испанские цепи.

З о о с т. Хозяин, так говорить не положено. Мы королю присягали.

Ф а н с е н. А король нам. Не забудьте.

И е т т е р. Его правда. Вы как думаете?

Г о л о с а и з т о л п ы. Давайте-ка еще послушаем. Этот человек понимающий! У него котелок здорово варит.

Фа н с е н. Был у меня когда-то старик хозяин. Каких только он не имел пергаментов, грамот прадедовских времен, контрактов и судебных документов, я уж не говорю о самых редкостных книгах. В одной все наше государственное устройство было изложено: как сначала нами, нидерландцами, правили разные князьки и все-то по стародавним обычаям, как наши предки чтити своего князя, если он ими правил по-хорошему, и умели его окоротить, когда он лишнее себе позволит. Тут и сословное собрание сразу же за них вступалось, потому что в каждой провинции, самой мелкой, было свое сословное и земское собрание.

П л о т н и к. Придержи язык! Всем это давно известно. Любой добропорядочный бюргер знает про свое государство, что ему знать положено.

И е т т е р. Не мешайте ему говорить, всё что-нибудь да узнаем.

З о о с т. Правильно.

М н о г и е. Говорите, говорите, не каждый день это услышишь.

Фа н с е н. Вот ведь вы, бюргеры, каковы! Живете - только небо коптите; ремесло к вам перешло от родителей, а значит, и власть пусть вами вертит, как хочет и как умеет. Ни традиция, ни история, ни права власть имущих - все это вас не касается; потому-то испанцы и поймали вас в сети.

З о о с т. Такие мысли и на ум не идут, если у тебя, кроме хлеба насущного, ничего нету.

И е т т е р. Проклятье! Почему же нам вовремя никто ничего такого не сказал?

Фа н с е н. Я вам сейчас говорю. Испанскому королю счастье привалило, завладел он всеми нашими провинциями, да только нечего ему в них на свой лад хозяйничать, пусть правит, как прежде мелкие князьки правили, каждый своей провинцией. Понятно вам?

И е т т е р. Объясни получше!

Фа н с е н. И без того ясно как день. Разве не должны нас судить по законам нашей провинции? А нынче что получается?

О д и н и з б ю р г е р о в. Твоя правда!

Фа н с е н. У брюссельца один закон, у жителя Антверпена или Гента другой. А нынче-то что? Откуда же это, спрашивается, пошло?

Д р у г о й б ю р г е р. Ей-богу, так.

Фа н с е н. Если сейчас не спохватитесь, покажут вам, где раки зимуют. Тьфу! Что не сумел ни Карл Смелый{17}, ни Фридрих Воитель{18}, ни Карл Пятый, с тем Филипп управился, да еще бабьими руками.

З о о с т. Верно, верно! Прежние князьки ведь тоже пытались...

Фа н с е н. А как же! Да только отцы наши не зевали: досадит им князь, они уведут его сына и наследника и спрячут куда-нибудь{19}, а уж если отдадут, то с превеликой для себя выгодой. Вот это люди были! Знали, чего им надо. И знали, как дело делается! Настоящие люди! Потому-то наши права так отчетливо изложены, наши вольности так надежны.

М ы л о в а р. Что вы там толкуете про вольности?

Н а р о д. Про наши вольности, про наши права! Еще об них расскажите.

Фа н с е н. Нам, брабантам{20}, дано всего больше преимущественных прав, хотя у других провинций они тоже имеются. Я про это в книге читал...

З о о с т. Ну валяйте, рассказывайте!

И е т т е р. А мы слушаем.

О д и н и з б ю р г е р о в. Очень вас прошу!

Фа н с е н. Во-первых, там сказано, что герцог Брабантский должен быть нам добрым и верным государем.

З о о с т. Добрым? Так и сказано?

И е т т е р. Верным? Ужели правда?

Фа н с е н. Слушайте, что я говорю. Он нам присягал, как и мы ему. Во-вторых, ему не дозволено над нами самодержавствовать ни делом, ни помыслом, ни случаем - никогда.

И е т т е р. Здорово! Здорово! Ни делом, ни помыслом.

З о о с т. И ни случаем.

Д р у г о й. Никогда! Вот самое главное. Не дозволено никому и никогда.

Фа н с е н. Так черным по белому стоит.

И е т т е р. Принесите нам эту книгу!

О д и н и з б ю р г е р о в. Она нам позарез нужна.

Д р у г и е. Книгу! Книгу!

О д и н и з б ю р г е р о в. Мы с ней к правительнице пойдём.

Е щ е о д и н. А вы, господин доктор, станете там речь держать!

М ы л о в а р. Ну и дурачье!

Н е с к о л ь к о г о л о с о в и з т о л п ы. Ещё что-нибудь из книги!

М ы л о в а р. Да я ему башку сворочу, если он ещё хоть слово вымолвит!

Н а р о д. Только попробуй! Расскажите подробнее о наших правах! Какие у нас ещё права имеются?

Ф а н с е н. Разные, среди них самые дельные и полезные. А ещё в книге стоит: правитель не должен ни улучшать положение духовенства, ни увеличивать его численность без согласия дворянства и сословий. Зарубите это себе на носу! И государственный строй изменять ему тоже не дозволено.

З о о с т. Это верно?

Ф а н с е н. Я вам указ покажу, он уже лет двести, а то и триста как вышел.

Б ю р г е р. А мы терпим новых епископов? Дворянство обязано за нас вступить, не то мы им покажем!

Д р у г и е б ю р г е р ы. И не позволим инквизиции гнуть нас в бараний рог!

Ф а н с е н. Сами виноваты!

Н а р о д. У нас есть ещё Эгмонт! Есть Оранский! Они нас в обиду не дадут.

Ф а н с е н. Ваши братья во Фландрии встали за доброе дело.

М ы л о в а р. Ах ты, собака! (Бьет его.)

Д р у г и е б ю р г е р ы (возмущённо кричат). Ты, верно, испанец?

О д и н и з б ю р г е р о в. Как ты смеешь, честного человека...

Д р у г о й. Ученого мужа...

Набрасываются на мыловара.

П л о т н и к. Да опомнитесь вы, ради бога!

В драку вмешиваются люди из толпы.

Что ж это такое, друзья!

Мальчишки свистят, бросаются камнями, науськивают

собак, зеваки стоят не двигаясь, народ стремительно

прибывает, одни спокойно прохаживаются взад и вперед,

другие озоруют, орут, кричат "Свобода и наши права!

Права и свобода!"

Появляется Эгмонт со свитой.

Э г м о н т. Спокойней! Спокойней! Что здесь происходит? Да угомонитесь же наконец! Разнять их!

П л о т н и к. Ваша светлость, вы сюда явились, словно ангел небесный! Тише! Вы что, ослепли? Сам граф Эгмонт! Хвала графу Эгмонту!

Э г м о н т. И здесь распря! Что вы затеяли? Брат на брата! Рядом августейшая наша правительница, а на вас удержу нету! Разойдитесь! Возвращайтесь к своим делам! Безделье в будни до добра не доведет! Что здесь случилось?

Волнение мало-помалу стихает, все уже толпятся вокруг

Эгмонта.

Плотник. Они из-за своих прав передрались.

Эгмонт. Которые сами же и порушат своим озорством. А кто вы есть? Как будто все люди честные.

Плотник. Стараемся по мере сил.

Эгмонт. К какому цеху вы принадлежите?

Плотник. Плотник и цеховой старшина.

Эгмонт. А вы?

Зоост. Мелочный торговец.

Эгмонт. Вы?

Иеттер. Портной.

Эгмонт. Припоминаю, вы шили ливреи для моих слуг. Вас звать Иеттер.

Иеттер. Благодарствуйте, что запомнили мое имя.

Эгмонт. Я не скоро забываю тех, кого видел и с кем говорил хоть однажды. Вам же всем мой совет - старайтесь сохранять спокойствие, вы и так на плохом счету. Не гневите больше короля, власть как-никак в его руках. Любой добропорядочный бюргер, который честно и усердно зарабатывает свой хлеб, повсюду имеет столько свободы, сколько ему надобно.

Плотник. Так-то оно так, беда только, что, с позволения сказать, разные там лодыри, пьянчуги и лентяи от нечего делать склоки затевают, с голодухи насчет своих прав шуруют, врут с три короля доверчивым и любопытным дурачкам да за кружку пива мутят народ, на его же беду. Это их сердцам всего любезнее. Да и то сказать, мы так бережем наши дома да сундуки, что им, конечно, охота подпустить нам красного петуха.

Эгмонт. Вы вправе рассчитывать на поддержку, меры уже приняты, с этим злом надо покончить раз и навсегда. Твердо стойте против иноземной веры и не думайте, будто мятежом можно укрепить свои права. Не выходите из домов и не позволяйте этим горлопанам толпиться на улицах. Разумному человеку многое под силу.

Толпа между тем редет.

Плотник. Благодарствую, ваша милость, благодарствую на добром слове! Все сделаем, что сумеем.

Эгмонт уходит.

Благородный господин! Истинный нидерландец! Ничуть не испанского.

Иеттер. Был бы он у нас правителем, все бы за ним пошли.

Зоост. Как бы не так! На это место король только своих сажает.

Иеттер. Заметил ты его наряд? По последней моде - испанский покрой.

Плотник. Он и собой красавец!

Иеттер. А шья-то лакомый кусочек для палача.

Зоост. Да ты рехнулся! Надо же эдакую чушь пороть!

Иеттер. Глупо, конечно, что такие мысли в голову лезут. У меня всегда так. Увижу красивую, стройную шею и невольно думаю: с такой хорошо голову рубить. Все эти казни треклятые! День и ночь стоят перед глазами. Плавают, к примеру, парни в реке, смотрю я на их голые спины, и тут же мне вспоминаются десятки таких спин, при мне в ключья изодранных розгами. А встречу какого-нибудь пузана, и мне уж мерещится, как его на кол сажают. Во сне я весь дергаюсь; ни часу покоя не знаешь. Веселье да шутки уж и на ум не идут; одни страшные картины перед глазами.

ДВОРЕЦ ЭГМОНТА

Секретарь за столом, заваленным бумагами. Встает в

тревоге.

Секретарь. Его все нет и нет, я уже битых два часа дожидаясь с пером в руке и бумагами наготове. А я-то надеялся хоть сегодня уйти не замешкавшись. Очень уж мне сейчас время дорого! Такое нетерпенье разбирает, что не дай бог! "Приходи точно в назначенный час!" - крикнул он, уходя, а сам куда-то запропастился. Дел-то у меня столько, что я и до полуночи не управлюсь. Он, конечно, на многое смотрит сквозь пальцы. Ей-богу, лучше бы был построже, да отпускал в положенное время. Тогда бы уж я как-нибудь приспособился. Два часа, как он ушел от правительницы, но поди знай, кто ему на пути повстречался.

Входит Эгмонт.

Э г м о н т. Ну, что там у тебя?

С е к р е т а р ь. Все готово, и три гонца дожидаются вас.

Э г м о н т. Ты, видно, считаешь, что я слишком долго отсутствовал: физиономия у тебя недовольная.

С е к р е т а р ь. Я давно жду ваших приказов. Вот бумаги!

Э г м о н т. Донна Эльвира рассердится на меня, узнав, что это я тебя задержал.

С е к р е т а р ь. Шутить изволите.

Э г м о н т. И не думал! Не конфузья. У тебя хороший вкус, к тому же я доволен, что ты обзавелся подругой в замке. Что там в письмах?

С е к р е т а р ь. Всякое, но радостных вестей маловато.

Э г м о н т. Хорошо уж и то, что радость мы находим дома и нет у нас надобности дожидаться ее со стороны. Много пришло писем?

С е к р е т а р ь. Предостаточно. И три гонца ждут вас.

Э г м о н т. Начни с самого важного.

С е к р е т а р ь. Все важное.

Э г м о н т. Тогда по порядку, но живо!

С е к р е т а р ь. Капитан Бреда прислал реляцию о дальнейших событиях в Генте и его окрестностях. Мятеж, в общем-то, утих.

Э г м о н т. Он, надо думать, пишет об отдельных бесчинствах и вспышках ярости?

С е к р е т а р ь. Да, они еще имеют место.

Э г м о н т. Избавь меня от подробностей.

С е к р е т а р ь. Взятые под стражу еще шестеро - в Фервите они повалили статую Пресвятой девы. Капитан спрашивает, должен ли он их повесить, как вешал других богохульников?

Э г м о н т. Устал я от этих казней. Высечь и отпустить восвояси.

С е к р е т а р ь. Среди них две женщины; их тоже прикажете высечь?

Э г м о н т. Пусть сделает им внушение и скажет, чтобы убирались поскорей.

С е к р е т а р ь. Бринк из роты Бреды собрался жениться. Капитан надеется, что вы ему запретите. Он пишет, у них-де и без того столько женщин{21}, что в случае приказа о выступлении его отряд будет больше смахивать на цыганский табор.

Э г м о н т. Ну, Бринк еще куда ни шло! Он парень молодой, ладный и так уж меня просил перед моим отъездом. Но больше я никому разрешения не дам, хоть мне и жаль лишать этих бедолаг главной радости - им немало терпеть приходится.

С е к р е т а р ь. Двое из ваших людей, Зетер и Харт, дурно обошлись с девушкой, дочерью трактирщика. Они подстерегли ее, когда она была одна, и конечно, не могла с ними справиться.

Э г м о н т. Если она честная девушка, а они совершили насилие, их надо сечь три дня кряду, а если есть у них какое-то имущество, следует часть его отдать девушке на приданое.

С е к р е т а р ь. Один из чужеземных проповедников тайком пробирался через Комин и был задержан. Он клянется, что шел во Францию. Согласно приказу его следует обезглавить.

Э г м о н т. Пусть они, не поднимая шума, доведут его до границы и заверят, что в следующий раз ему это уже с рук не сойдет.

С е к р е т а р ь. Вот письмо от вашего мытаря. Он пишет, что подати поступают неисправно, на этой неделе он вряд ли сумеет выслать затребованные деньги, мятеж внес путаницу во все дела.

Э г м о н т. Деньги должны быть здесь! Как он их добудет - его забота.

С е к р е т а р ь. Он обещает сделать все возможное и хочет добиться, чтобы Раймонда, который так давно вам должен, взяли под стражу и судом взыскали с него долг.

Э г м о н т. Но он ведь обещал расплатиться.

С е к р е т а р ь. В последний раз он ходатайствовал об отсрочке на две недели.

Э г м о н т. Надо дать ему еще две недели, а тогда уж обратиться в суд.

С е к р е т а р ь. Вы ему мирволите: дело здесь не в отсутствии денег, а в отсутствии охоты. Он образумится, только когда увидит, что с вами шутки плохи. Далее, сборщик податей предлагает не выплатить за полмесяца пособия, милостиво назначенного вами старым солдатам и вдовам; за это время мы что-нибудь сообразим, а они перебьются.

Э г м о н т. Что значит "перебьются"? Им деньги нужнее, чем мне. Пиши, чтобы он об этом и думать забыл.

С е к р е т а р ь. А откуда прикажете ему взять деньги?

Э г м о н т. Пусть поломает голову. Я уже в прошлом письме предупреждал его.

С е к р е т а р ь. Вот он и вносит свои предложения.

Э г м о н т. Этим предложениям - грош цена. Надо ему еще подумать и предложить мне что-нибудь более приемлемое. А главное - раздобыть деньги.

С е к р е т а р ь. Письмо графа Оливы я опять положил на виду. Простите, что напоминаю вам о нем. Но достойный старец прежде других заслуживает подробного ответа. Вы хотели собственноручно написать ему. Он ведь и вправду любит вас как отец.

Э г м о н т. Все времени не выберу. Многое есть, что я ненавижу, но всего ненавистнее мне - писать письма. Ты ведь отлично подделываешь мой почерк, напиши ему вместо меня. Я жду Оранского. И уж конечно, писать не соберусь, а мне хотелось бы его успокоить касательно всех его сомнений.

С е к р е т а р ь. Скажите мне в общих чертах, что вы хотели бы ему написать, я сочиню ответ и принесу его вам на подпись. И напишу так, что даже суд удостоверит - это ваша рука.

Э г м о н т. Дай мне письмо! (Пробежав его глазами.) Добрый, славный старик! Но разве ты и в юности отличался такой осмотрительностью? Разве ты никогда не брал штурмом стены? А в битве держался позади, потому что тебе это подсказывало благоразумие? Преданный, заботливый друг! Он желает мне долгой жизни и счастья и не понимает, что тот уже мертв, кто живет лишь затем, чтобы оберегать себя. Напиши ему: пусть не тревожится, я поступаю как должно, но буду начеку. Пусть он употребит мне на пользу уважение, которое снискал себе при дворе, и примет мои заверения в величайшей благодарности.

С е к р е т а р ь. И это все? Он ждет большего.

Э г м о н т. Что еще мне сказать? Хочешь, чтобы было побольше слов позаботься об этом сам. Все ведь вращается вокруг одной оси: я должен жить не так, как только и могу жить. Я жизнерадостен, ко всему отношусь легко, живу, что называется, во весь опор - это мое счастье, и я не променяю его на безопасность склепа. Вся кровь во мне восстает против испанского образа жизни, не могу я и не хочу равнять свой шаг по новой торжественной мерке испанского двора. Разве я живу затем, чтобы опасно думать о своей жизни? Неужели мне сегодня отказываться от наслаждения минутой из желания быть уверенным, что наступит завтра, омраченное той же тревогой, теми же страшными мыслями?

С е к р е т а р ь. Прошу вас, господин мой, не будьте так резки, так суровы с этим прекрасным человеком. Вы же всегда привечаете людей. Скажите мне доброе слово для успокоения вашего благородного друга. Подумайте, как деликатно он печется о вас, как старается ничем вас не задеть.

Э г м о н т. И все же он вечно касается одной только струны. Ему с давних пор ведомо, как ненавистны мне эти увещания, они смущают мою душу, а толку от них чуть. Скажи, если бы я был лунатик и разгуливал по верхушке отвесной крыши, возможно ли, чтобы друг, желая меня предостеречь, окликнул меня и тем самым убил? Пусть лучше каждый идет своим путем и остерегается как умеет.

С е к р е т а р ь. Конечно, страшиться вам не пристало, но тот, кто вас знает и любит.

Э г м о н т (берет письмо). Опять он припоминает старые сказки, как однажды в веселой компании и под хмельком мы немало накуролесили и наговорили, а потом слухи о нашем поведении и его последствиях распространились по всему королевству. А всего-то и было, что мы велели вышить шутовские колпаки и погремушки на ливреях наших слуг, но вскоре заменили эти дурацкие украшения колчанами со стрелами{22}, что показалось еще более опасным символом тем, кому угодно толковать обо всем, что не поддается истолкованию. То или иное дурачество приходило нам на ум в веселую минуту, и мы тотчас же его осуществляли; наша вина, что целая компания дворян, каждый с нищенской сумой и с придуманным для себя прозвищем{23}, насмешливо и смиренно напоминали королю о его долге, - да, это наша вина, но что с того? Разве карнавальная потеха равнозначна государственной измене? Можно ли обессудить нас за пестрое тряпье, в которое юношеский задор и хмельная фантазия обрядили постылую наготу нашей жизни? Мне думается, не стоит жизнь принимать так уж всерьез. Если утро не будит нас для новых радостей, а вечер не сулит нам новых наслаждений, стоит ли труда одеваться и раздеваться? Разве солнце сегодня светит нам для того, чтобы мы размышляли о вчерашнем дне или угадывали и связывали воедино то, что нельзя ни связать, ни угадать, - судьбы грядущего дня? Нет, не будем предаваться подобным размышлениям, оставим их школярам и царедворцам: им подобает думать и додумываться, притворяться и ползать на брюхе, сколько хватит сил, извлекая из своего притворства хоть малую выгоду. Если что-нибудь из этого сгодится для твоего письма, но так, чтобы оно не разрослось в целую книгу, я буду рад. Славный старец всему придает слишком большое значение. Так друг, долго державший нашу руку, сильнее сжимает ее, прежде чем выпустить из своей.

С е к р е т а р ь. Простите меня, но у пешехода кружится голова, когда мимо, громяхая по мостовой, стремительно проносится экипаж.

Э г м о н т. Дитя, дитя! Довольно! Слово бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы, и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими, сворачивая то вправо, то влево, чтобы не дать колесам там натолкнуться на

камень, здесь сорваться в пропасть. Куда мы несемся, кто знает? Ведь даже мало кто помнит, откуда он пришел.

Секретарь. О господин граф! Господин граф!

Эгмонт. Я вознесен высоко, но могу и должен вознестись еще выше, я преисполнен надежды, отваги, силы. Вершины своего пути я пока не достиг, а достигнув, буду стоять на ней твердо и без боязни. Но коли суждено мне пасть, то разве что удар грома, буря или собственный неосторожный шаг низринут меня в бездну - и там я буду лежать среди тысяч других. Я всегда был готов пролить свою кровь вместе со славными моими соратниками и ради малого военного успеха. Так неужели мне скупиться, когда речь идет о бесценнейшем достоянии всей жизни - о свободе?

Секретарь. Господин граф! Вы не отдаете себе отчета, какие слова вы произносите! Да хранит вас бог!

Эгмонт. Собери свои бумаги. Принц Оранский уже здесь. Приготовь самые важные письма, чтобы гонцы успели выехать до того, как закроют ворота. С остальным - время терпит. Письмо графу отложи до завтра. Поспешки к Эльвире и передай ей мой поклон. Постарайся разузнать, как чувствует себя правительница; говорят, ей нездоровится, но она это скрывает.

Секретарь уходит.

Входит принц Оранский.

Добро пожаловать, принц. Вы чем-то встревожены?

Оранский. Что вы скажете по поводу нашей беседы с правительницей?

Эгмонт. В том, как она приняла нас, я ничего странного не усмотрел. Мне уже не раз доводилось видеть ее такой. По-моему, она не совсем здорова.

Оранский. Разве вы не обратили внимания, что она была более замкнута, чем обычно? Поначалу она, видно, хотела сдержанно одобрить наше поведение во время последнего буйства черни, но затем спохватилась, что ее слова могут быть превратно истолкованы, и перевела разговор на привычную ей тему мы, нидерландцы, никогда-де не понимали ее мягкости и дружелюбия, не умели ценить ее, отчего все ее старания ни к чему не приводили; в конце концов она устанет, и король должен будет решиться на другие меры. Разве вы этого не слышали?

Эгмонт. Кое-что я пропустил мимо ушей, так как думал о другом. Она женщина, дорогой мой принц, а женщины хотят, чтобы все и вся покорно несли их легкое ярмо, хотят, чтобы Геркулес, сбросив с себя львиную шкуру, сел за прялку^{24}, воображают, что если они миролюбивы, то брожение, возникшее в народе, бури, поднятые могущественными соперниками, должны улечься от одного их доброго слова и непримиримые стихии в кротком единодушии склониться к их ногам. То же самое и с правительницей, а так как добиться этого ей невозможно, то она чудит и сердится, сетует на неразумие и неблагодарность и грозит нам страшным будущим - то есть своим отъездом.

Оранский. Вы не верите, что она исполнит эту угрозу?

Эгмонт. Никогда! Сколько раз я уже видел, как она собиралась в путь! Куда ей ехать? Здесь она правительница, королева, неужто она станет влачить убогую жизнь при дворе своего брата или отправится в Италию^{25}, чтобы погрязнуть в старых семейных распрях?

Оранский. Вы считаете такое решение невозможным, ибо уже не раз были свидетелем ее колебаний и отступлений. И все же эта мысль стала ей привычной, новый оборот событий может подтолкнуть ее наконец-то осуществить свое давнее намерение. Что, если она уедет и король пришлет нам кого-нибудь другого?

Эгмонт. Ну что ж, этот другой приедет и найдет для себя достаточно дела. Приедет с широкими замыслами, проектами, идеями, как навести порядок, все подчинить себе и удержать в подчинении, а столкнется сегодня с одной досадной мелочью, завтра с другой, послезавтра с препятствием уже более серьезным, месяц он потратит на новые проекты, другой - на печальные мысли о неудавшихся затеях, полгода провозится с какой-то одной провинцией. У него тоже время протечет между пальцев, голова закружится, а жизнь, как и раньше, будет идти своим чередом, проплыть по морям курсом, ему указанным, ему, конечно, не удастся, и он возблагодарит господу уже за то, что среди этой бури сумел провести свой корабль в стороне от подводных рифов.

Оранский. А что, если мы посоветуем королю произвести опыт?

Эгмонт. Какой именно?

Оранский. Попробовать, каково будет туловищу без головы.

Эгмонт. Что?

Оранский. Эгмонт, вот уже долгие годы я денно и ночью думаю о том, что здесь происходит; я словно бы склоняюсь над шахматной доской, и каждый ход противника представляется мне важным. Как досужие люди всеми своими помыслами тщатся проникнуть в тайны природы, так я считаю долгом, призванием властелина, вникнуть в убеждения, в намерения всех партий. У меня есть причина опасаться взрыва. Король долго правил согласно определенным принципам, теперь он видит, что толку от них мало. Что ж удивительного, если он попытается идти другим путем?

Эгмонт. Не думаю. Когда ты становишься стар и так много уже испробовано, а в мире порядка все нет, пыл неизбежно остывает.

Оранский. Одного он еще не испробовал.

Э г м о н т. Чего же?

О р а н с к и й. Сохранить народ, а знать уничтожить.

Э г м о н т. Многие издавна боятся такого оборота событий. Напрасные страхи!

О р а н с к и й. Когда-то это были страхи, мало-помалу они переросли в подозрения, а ныне - в уверенность.

Э г м о н т. Да разве есть у короля слуги преданнее нас?

О р а н с к и й. По-своему мы служим ему, но друг другу можем признаться, что умеем разделять его права и наши.

Э г м о н т. Кто ж поступает иначе? Мы его вассалы и покорствуем его воле.

О р а н с к и й. А если он потребует большего и назовет вероломством то, что мы называем "стоять за свои права"?

Э г м о н т. Защитить себя мы сумеем. Пусть созовет рыцарей "Золотого руна", они нас рассудят.

О р а н с к и й. А что, если приговор будет вынесен до следствия и кара опередит приговор?

Э г м о н т. Филипп не захочет взвалить на себя обвинение в такой несправедливости и совершить поступок, столь опрометчивый даже в глазах его советников.

О р а н с к и й. Не исключено, что и они несправедливы и опрометчивы.

Э г м о н т. Нет, принц, этого быть не может. Кто осмелится поднять руку на нас? Бросить нас в темницу - попытка безнадежная и бесплодная. Никогда они не отважатся так высоко взметнуть знамя тирании. Даже легчайший ветерок разнесет подобную весть по всей нашей стране и раздует неслыханный пожар. Да и к чему это приведет? В одиночестве король не может ни судить, ни выносить приговоры; на убийство из-за угла они не решатся. Не посмеют решиться. Грозное единение вмиг сплотило бы народ. Ненависть к самому слову "Испания" вылилась бы в навечное отпадение от нее.

О р а н с к и й. Да, но пламя будет бушевать уже над нашими могилами, а кровь врагов станет лишь никому не нужной искупительной жертвой. Все это нам надо обдумать, Эгмонт.

Э г м о н т. Что же они предпримут?

О р а н с к и й. Альба уже на пути{26} в Нидерланды.

Э г м о н т. Не думаю.

О р а н с к и й. Я это знаю.

Э г м о н т. Правительница ни о чем слушать не хотела.

О р а н с к и й. Тем более я убеждаюсь в своей правоте. Она уступит ему место. Его кровожадность мне известна, и войско следует за ним.

Э г м о н т. Новые тяготы для провинций, народу круто придется.

О р а н с к и й. Сначала они обезвредят главарей.

Э г м о н т. Нет, нет!

О р а н с к и й. Нам надо уехать каждому в свою провинцию. И там укрепиться. К откровенному насилию он сразу не прибегнет.

Э г м о н т. Но ведь нам, вероятно, надлежит приветствовать его, когда он прибудет?

О р а н с к и й. Не будем спешить.

Э г м о н т. А если он именем короля потребует нашего присутствия?

О р а н с к и й. Найдем отговорку.

Э г м о н т. Но если он будет настаивать?

О р а н с к и й. Принесем свои извинения.

Э г м о н т. А если заупрямится?

О р а н с к и й. Тем паче - не явимся.

Э г м о н т. Это будет значить: война объявлена и мы бунтовщики. Принц, не поддавайся соблазнам своего ума; я знаю, страха ты не ведаешь. Но обдумай этот шаг.

О р а н с к и й. Я его обдурал.

Э г м о н т. Пойми, если ты ошибешься, ты станешь виновником самой кровопролитной войны, бушевавшей в какой-либо стране. Твой отказ - это сигнал для всех провинций разом взяться за оружие; он станет оправданием любой жестокости - станет вождельным и долгожданным предлогом для Испании. Каких больших, каких долгих усилий стоило нам умиротворить народ, а теперь ты одним мановением руки хочешь ввергнуть его в небывалую смуту. Подумай о городах, о дворянстве, о народе, о торговле и земледелии, о ремеслах! Подумай об опустошении страны, о кровопролитии! Солдат остается спокойным, когда на поле боя падает тот, кто был с ним рядом. Но когда река понесет вниз по течению тела горожан, детей, девушек, а ты, объятый ужасом, будешь стоять на берегу, уже не понимая, за чье дело ты вступился, ибо гибнут те, кого ты хотел защитить, достанет ли у тебя сил тихо промолвить: "Я защищал себя"?

О р а н с к и й. Мы не простые люди, Эгмонт. И если нам подобает жертвовать собой ради тысяч, то, значит, подобает и щадить себя ради них.

Э г м о н т. Тот, кто себя щадит, сам себе подозрителен.

О р а н с к и й. Но тот, кто знает себя, маневрирует увереннее.

Э г м о н т. Твои поступки делают неизбежным зло, которого ты страшишься.

О р а н с к и й. Идти навстречу неотвратимому злу разумнее и смелее.

Э г м о н т. Когда опасность так велика, надо принимать в расчет даже самую малую надежду.

О р а н с к и й. Нам уже и ступить некуда, пред нами - бездна.

Э г м о н т. Разве милость короля - такая малая полоска земли?

О р а н с к и й. Не такая уж малая, но скользкая.

Э г м о н т. Клянусь богом, это несправедливо. Я не терплю, когда о нем думают неподобающим образом! Он сын императора Карла и не способен на низкий поступок.

О р а н с к и й. Короли низких поступков не совершают.

Э г м о н т. Его надо узнать получше.

О р а н с к и й. Наше знание и говорит нам - не дожидайтесь опасной пробы.

Э г м о н т. Никакая проба не опасна, если ты ее не страшишься.

О р а н с к и й. Ты рассержен, Эгмонт.

Э г м о н т. Я все должен видеть собственными глазами.

О р а н с к и й. О, если бы на сей раз ты захотел посмотреть моими. Друг мой, твои глаза открыты, и ты уверен, что видишь все. Я уйду! Жди прибытия Альбы, и господь да хранит тебя! Может быть, мой отказ послужит тебе во спасенье. Может быть, дракон и отвернется от добычи, если ему не удастся сразу проглотить нас обоих. Может быть, он помедлит, чтобы вернее ударить, а ты, прозрев, увидишь все в правильном свете. Но скорее, скорее! Спасайся, Эгмонт! Спасайся! Прощай! Будь зорок, Эгмонт, пусть ничего не ускользнет от твоего вниманья: сколько войска он приведет с собой? Как разместит его в городе, какая власть еще останется правительнице? Будут ли начеку твои друзья? Подай мне весть о себе... Эгмонт!..

Э г м о н т. Чего ты хочешь от меня?

О р а н с к и й (дотрагивается до его руки). Подумай еще раз! Уйдем вместе!

Э г м о н т. Как? Ты плачешь, принц Оранский?

О р а н с к и й. И мужчине подобает плакать о погибшем.

Э г м о н т. Ты считаешь меня погибшим?

О р а н с к и й. Да. Пойми, тебе остался недолгий срок. Прощай. (Уходит.)

Э г м о н т (один). Как странно, что мысли другого человека так воздействуют на нас! Мне бы все это и в голову не пришло, а он заразил меня своими опасениями. Прочь! В моей крови это чужеродная капля. Приди мне на помощь, природа, извергни ее! А на то, чтобы разглядить морщины раздумья, у меня есть прекрасное средство!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ.

П р а в и т е л ь н и ц а. Этого надо было ждать. Когда денно и ночью живешь в трудах и заботах, кажется, что делаешь невозможное, а тот, кто издали смотрит на тебя и повелевает, уверен, что требует лишь возможного. О, эти самодержцы! Никогда я не думала, что столь великое волнение охватит меня. Власть прекрасна! И вдруг отречься от нее. Не знаю, как решился на это мой отец{27}, но я последую

его примеру.

В глубине сцены появляется Макиавелли.

Подойдите ближе, Макиавелли. Письмо брата повергло меня в раздумье.

Макиавелли. Смее ли я спросить, о чем он пишет?

Правительница. Король высказывает столько же братского внимания ко мне, сколько и заботливости о своем государстве. Он превозносит стойкость, усердие и преданность, проявленные мною в попечении о правах его величества в этих землях. Сожалеет, что буйный нрав здешнего народа причиняет мне столько хлопот и огорчений. До глубины души убежденный в моей пронизательности, равно как и в разумной последовательности моего поведения, он так мною доволен, что я могла бы сказать: для короля это письмо слишком учтиво, для брата - тем более.

Макиавелли. Его величество не впервые выражает вам свое справедливое удовлетворение.

Правительница. Но впервые так риторично.

Макиавелли. Я не понимаю.

Правительница. Сейчас поймете. Вслед за этим вступлением он говорит, что совсем без войска, без хотя бы небольшой армии, я всегда буду пребывать здесь в жалком положении. Мы поступили неосмотрительно, продолжает он, когда, вняв жалобам населения, отозвали свои войска из провинций, ибо армия, тяжелым бременем ложась на плечи бюргеров, не позволяет им слишком расходиться.

Макиавелли. Эта мера вызвала бы опасное брожение в умах.

Правительница. Но король полагает - ты слушаешь меня? - что бравый генерал, который знать не знает никаких резонов, живо справится с народом и дворянством, с бюргерами и крестьянами, посему он и шлет сюда во главе немалого войска герцога Альбу.

Макиавелли. Альбу?

Правительница. Ты удивлен?

Макиавелли. Вы сказали: шлет. Он, верно, спрашивает, не послать ли?

Правительница. Король не спрашивает. Он посылает.

Макиавелли. Ну что ж, вам будет служить опытейший полководец.

Правительница. Служить мне? Говори прямее, Макиавелли.

Макиавелли. Я не хочу высказываться прежде вас.

Правительница. А я, ты думаешь, хочу притворяться? Мне больно, очень больно. Лучше бы уж мой брат высказал все, что у него на уме, а не подписал бы казенное послание, состряпанное его статс-секретарем.

Макиавелли. Может быть, следовало бы вникнуть...

Правительница. Я их всех знаю вдоль и поперек. Они любят, чтобы все было вычищено и выметено, а так как сами к этому рук приложить не хотят, то радуются каждому, у кого метла в руке. О, мне чудится, что я вижу короля и его совет вытканными вот на этих шпалерах.

Макиавелли. Так живо вам все представляется?

Правительница. До мельчайшей черточки. Среди них есть и хорошие люди. Честный Родригес^{28}, многоопытный и разумный, он не рвется к почестям, но и ничем не поступает, прямодушный Алонсо^{28}, усердный Френеда^{28}, неколебимый Лас Варгас^{28} и еще несколько, которые примыкают к разумной партии, когда она входит в силу. Но в совете есть еще и меднолобый толедец^{29}, у него впалые глаза и пронзительный, огненный взгляд, сквозь зубы он бормочет что-то о доброте женщин, об их торопливой податливости, о том, что женщины, мол, могут усидеть на хорошо объезженном коне, но сами его объездить не умеют, и отпускает прочие шуточки, которые мне в свое время не раз приходилось слышать от господ политиков.

Макиавелли. Неплохую вы выбрали палитру для своей картины.

Правительница. Признайтесь, Макиавелли, среди всех оттенков, которые я для нее подбирала, мне так и не удалось подобрать изжелта-бурого и желчно-черного для цвета лица Альбы, цвета, которым он малюет все вокруг себя. Любого он готов обвинить в богохульстве, в оскорблении величества, ибо тут, на основании закона, можно колесовать, сажать на кол, четвертовать и предавать сожжению. Того доброго, что я здесь сделала, издали не видно, именно потому, что оно доброе. Альба готов придрасться к любой озорной выходке, давно всеми забытой, вспомнить о любой вспышке, давно усмирившей, оттого-то у короля перед глазами одни мятежи, восстания, безрассудства. По его мнению, здешние люди только и знают, что пожирать друг друга, тогда как краткие вспышки бесчинств простого народа давно уже позабыты нами. Вот король и проникся жгучей ненавистью к этим несчастным, они внушают ему отвращение, словно звери, чудовища, он думает лишь об огне и мече, вообразив, что только так укрощают людей.

Макиавелли. Вы слишком горячо все это принимаете к сердцу. Как-никак вы - правительница.

П р а в и т е л ь н и ц а. Да. Альба привезет предписание короля. Я состарилась на государственных делах, а потому знаю, что человека можно оттеснить, словно бы и не отнимая у него власти. Он привезет предписание, неопределенное и каверзное, во все начнет соваться, ибо сила в его руках, если же я стану выказывать недовольство - сошлется на секретное предписание, пожелаю я с ним ознакомиться - начнет вилять, буде я на этом настою покажет мне бумагу совсем иного содержания, не успокоюсь - сделает вид, что такого разговора между нами и не было. А тем временем совершит то, чего я так боюсь, а о том, чего я желаю, постарается забыть.

М а к и а в е л л и. Я рад был бы поспорить с вами.

П р а в и т е л ь н и ц а. Все, что я с несказанным терпением успокоила, он вновь взбудоражит своей твердокаменностью и жестокостью. Дело, которому я служила, развалится у меня на глазах, и я же еще буду отвечать за его вину.

М а к и а в е л л и. Надо выждать, ваше высочество.

П р а в и т е л ь н и ц а. Я достаточно владею собой, чтобы молчать. Пусть приезжает. Я любезно уступлю ему свое место, прежде чем он сгонит меня с него.

М а к и а в е л л и. Вы так торопитесь с этим важнейшим шагом?

П р а в и т е л ь н и ц а. Он мне труднее, чем ты предполагаешь. Для того, кто привык повелевать, кто добился власти и каждый день держит в своих руках тысячи людских судеб, - сойти с престола все равно что сойти в могилу. Но лучше так, чем уподобиться призраку среди живущих и лишь видом своим отстаивать место, которое уже алчно захвачено другим.

Домик Клэрхен.

Клэрхен, мать.

М а т ь. Отродясь я не видала, чтобы человек любил так, как Бракенбург; думала, о такой любви только в рыцарских романах пишут.

К л э р х е н (ходит из угла в угол по комнате и едва слышно напевает).

Счастлив лишь тот.

Кем владеет любовь

М а т ь. Он догадывается о твоих отношениях с Эгмонтом, но если ты захочешь быть с ним хоть чуть-чуть поласковее, он на тебе женится, вот посмотришь.

К л э р х е н (поет).

Плача,

Ликуя,

Мечтательной быть.

Чашу

Печали

Блаженной испить,

К небу лететь

И низвергнуться вновь...

Счастлив лишь тот,

Кем владеет любовь!

М а т ь. Брось ты свое баюшки-баю.

К л э р х е н. Не браните меня, матушка, это лучшая из песен. Не раз я убаюкивала ею одно взрослое дитя.

М а т ь. Только любовь на уме. Да можно ли все позабывать из-за одного. Ты Бракенбурга не отталкивай, запомни мои слова: он еще сделает тебя счастливой.

К л э р х е н. Он?

М а т ь. Да, он! Погоди, настанет время! Вы, дети, вперед смотреть не умеете, а нас, опытных людей, слушать не хотите. Помни, что молодости и самой распрекрасной любви приходит конец. Будет время, когда ты станешь бога благодарить, что хоть кров есть над головой.

К л э р х е н (вздрагивает, молчит, потом, словно проснувшись). Матушка, пусть время придет, как приходит смерть. Но думать об этом

страшно! Ежели надо - что ж, будем вести себя как сумеем! Эгмонт - тебя потерять? (Плачет.) Нет, это невозможно, нет, нет!

Входит Эгмонт. На нем плащрейтара и низко надвинутая шляпа.

Э г м о н т. Клэрхен!

К л э р х е н (вскрикнув, отшатывается от него). Эгмонт! (Обнимает его.) О, мой дорогой, ненаглядный, любимый! Ты пришел. Ты здесь!

Э г м о н т. Добрый вечер, матушка.

М а т ь. Благослови вас бог, благородный господин! Моя девочка уж тоской изошла, больно долго вас не было, с утра до вечера все только об вас толковала да пела.

Э г м о н т. Ужином меня попотчуете?

М а т ь. Благодарствуйте за честь. Не знаю только, найдется ли что у нас.

К л э р х е н. Ну конечно, найдется! Не тревожьтесь, матушка, я кое-что припасла и приготовила. Только вы меня не выдавайте.

М а т ь. Не очень-то богато.

К л э р х е н. Не спешите! К тому же я думаю: когда он со мной, я и голода не чувствую, наверно, и у него аппетит пропадает, когда я рядом.

Э г м о н т. Ну, это как сказать.

Клэрхен топает ножкой и сердито от него отворачивается.

Что это ты?

К л э р х е н. Вы так холодны сегодня! Ни разу меня не поцеловали. И руки у вас спеленаты плащом, как у младенца. Не подобает воину и возлюбленному ходить со спеленатыми руками.

Э г м о н т. Всему свое время, голубка, всему свое время. Когда солдат стоит в засаде, подстерегая врага, он старается не дышать и крепко держит себя в руках, покуда не придет пора взвести курок. А любящий...

М а т ь. Что ж это вы не садитесь? Прошу вас, устраивайтесь поудобнее. Я побегу на кухню. Клэрхен, как вас увидит, ни о чем уже не думает. И еще прошу, не взывайте за скромный ужин.

Э г м о н т. Ваше радушие - лучшее угощенье.

Мать уходит.

К л э р х е н. А что же тогда моя любовь?

Э г м о н т. Все, что хочешь.

К л э р х е н. Сами подыщите для нее сравнение.

Э г м о н т. Итак, прежде всего... (Сбрасывает плащ становится виден его ослепительный наряд.)

К л э р х е н. О боже!

Э г м о н т. Теперь у меня руки свободны. (Ласкает ее.)

К л э р х е н. Не надо! Вы сомнете свой наряд! (Отстраняется от него.) Какая роскошь! Я и дотронуться-то до вас боюсь.

Э г м о н т. Ты довольна? Я ведь обещал когда-нибудь прийти к тебе в испанском обличье.

К л э р х е н. Я уже давно вас об этом не прошу, думала, вы не хотите. Ах, и "Золотое руно"!

Э г м о н т. Вот ты его и увидела.

К л э р х е н. Тебе его сам император надел на шею?

Э г м о н т. Да, дитя мое! Эта цепь и этот орден дают тому, кто их носит, наивысшие права. Нет на земле судьи надо мной, кроме гроссмейстера ордена вместе со всем капитулом рыцарей.

К л э р х е н. Да, если бы даже весь мир судил тебя... Какой бархат загляденье, а позументы! А шитье! Глаза разбегаются.

Э г м о н т. Гляди, пока не наглядишься.

Клэрхен. И "Золотое руно"! Вы столько мне него рассказывали, оно ведь дается в знак великих трудов и подвигов, усердия и отваги. Ему цены нет - как твоей любви, которую я ношу в своем сердце, хотя...

Эгмонт. Что ты хочешь сказать?

Клэрхен. Хотя сравнения тут быть не может.

Эгмонт. Почему же?

Клэрхен. Мне она досталась не за усердие и отвагу. Я ничем ее не заслужила.

Эгмонт. В любви все по-другому. Ты заслужила ее тем, что ее не домогалась, - любят обычно тех, кто не гонится за любовью.

Клэрхен. Ты по себе судишь? И про себя такие гордые речи ведешь, - тебя ведь весь народ любит.

Эгмонт. Если бы я хоть что-то сделал для него, сумел бы хоть что-то сделать! А так - это их добрая воля меня любить!

Клэрхен. Ты, наверно, был сегодня у правительницы?

Эгмонт. Был.

Клэрхен. Вы с нею добрые друзья?

Эгмонт. Похоже на то. Мы друг с другом любезны и предупредительны.

Клэрхен. А в душе?

Эгмонт. Дурного я ей не желаю. У каждого свои воззрения. Но не в этом дело. Она достойнейшая женщина, знает своих приближенных и могла бы вникнуть в самую суть вещей, если бы не ее подозрительность. Я доставляю ей много забот, в моих поступках она усматривает какие-то тайны, которых и в помине нет.

Клэрхен. Так уж и нет?

Эгмонт. Ну, что тебе сказать? Иной раз задние мысли бывают и у меня. Любое вино со временем оставляет осадок в бочках. С принцем Оранским у нее хлопот еще больше, он, что ни день, задает ей новые загадки. О нем идет молва, будто он вечно что-то замышляет, вот она и смотрит на его лоб - о чем, мол, он думает, на его шаги - куда он собирается их направить.

Клэрхен. Скажи, она притворщица?

Эгмонт. Она правительница, что ж тут спрашивать!

Клэрхен. Простите, я хотела спросить: искренна ли она.

Эгмонт. Точь-в-точь как всякий, кто преследует свои цели.

Клэрхен. Я бы в таком мире пропала. А у нее мужской ум, она совсем другая, чем мы, швейки да стряпухи. Она всех выше - смелая, решительная.

Эгмонт. Когда в стране порядок, а не кутерьма. Сейчас и она малость не в себе.

Клэрхен. Как это?

Эгмонт. У нее усики над губой, и приступы подагры случаются. Словом - амазонка!

Клэрхен. Величественная дама! Я бы побоялась явиться ей на глаза.

Эгмонт. А ты ведь не робкого десятка. И не страх бы удержал тебя, а разве что девичий стыд.

Клэрхен, потупив взор, берет его руку и приникает к нему.

Я понимаю тебя, милая моя девочка! Ты вправе смотреть людям в глаза! (Целует ее веки.)

Клэрхен. Позволь мне помолчать! Позволь обнять тебя! Позволь посмотреть тебе прямо в глаза! В них я все прочту - надежду и утешение, радость и горе. (Вперив в него взор, обнимает его.) Скажи мне! Скажи! Я никак в толк не возьму! Правда, что ты Эгмонт? Граф Эгмонт? Великий Эгмонт! Это о тебе шумит молва? О тебе пишут газеты?{30} Тебе так преданы наши провинции?

Эгмонт. Нет, Клэрхен, это не я.

Клэрхен. Что ты хочешь сказать?

Эгмонт. Видишь ли, Клэрхен! Погоди, я сяду. (Садится, она устраивается у его ног на скамеечке, кладет руки ему на колени, не сводя с него глаз.) Тот Эгмонт угрюмый, чопорный, холодный. Он обязан всегда держать себя в руках, надевать то одну, то другую личину; он запутался в тенетах, измученный, непонятый, хотя люди считают его веселым и жизнерадостным. Эгмонт любим народом, который сам не знает, чего хочет; его чтит и превозносит толпа, которую нельзя обуздать, он окружен друзьями, советам которых не вправе

следовать. За ним неотступно наблюдают многие; они стремятся во всем подражать ему, иной раз бесцельно, чаще безуспешно, - о, я не хочу говорить, как тяжело ему приходится и что у него на сердце. Но есть и другой Эгмонт, Клэрхен, спокойный, прямодушный, счастливый, его любит и знает самое доброе в мире сердце; оно ему открыто, и он с великой любовью и доверием прижимает его к своему. (Обнимает ее.) Это твой Эгмонт!

Клэрхен. О, я хочу умереть в этот миг! Большого счастья мне уже не знать на земле.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

УЛИЦА.

Иеттер. Плотник.

Иеттер. Эй! Постой! На одно слово, сосед!

Плотник. Иди своей дорогой и не ори.

Иеттер. Одно словечко! Что нового?

Плотник. Ничего, разве только, что нам запрещено говорить о новом.

Иеттер. Как?

Плотник. Подойдите поближе к дому и будьте осторожны. Герцог Альба не успел приехать{31}, как уже издал приказ: если двое или трое встретились на улице и затеяли разговор, объявлять их, без суда и следствия, государственными преступниками.

Иеттер. Беда! Беда!

Плотник. Под страхом пожизненной каторги запрещается обсуждать государственные дела.

Иеттер. А куда подевалась наша свобода?

Плотник. За поношение правительства - смертная казнь.

Иеттер. Злосчастные наши головы!

Плотник. Отцы, матери, дети, родня, друзья и слуги, все без исключения, обязаны доносить, за донос положена награда, - ныне учрежденному чрезвычайному суду о том, что творится в доме.

Иеттер. Пойдем-ка отсюда.

Плотник. Послушные-де не потерпят урона ни в чести своей, ни в животе, ни в имуществе.

Иеттер. Вот милостивцы нашлись! Недаром у меня сердце ныло, когда герцог держал свой въезд в город. И с той минуты все небо для меня словно траурным флером затянуто и нависло так низко, что я хожу согнувшись, боюсь башку расшибить.

Плотник. А каковы тебе его солдаты показались? Я таких вояк отродясь не видывал!

Иеттер. Тьфу! Сердце замирает, когда они маршируют по нашим улицам. Прямые, точно свечи, взгляд неподвижный, шагают как на шарнирах. Ежели один такой на часах стоит, а ты мимо идешь, он на тебя уставится, словно глазами просверлить хочет, а вид у этого малого до того мрачный и суровый, что тебе волей-неволей на каждом углу палач мерещится. Не по душе они мне. Вот наша милиция - веселые были ребята, что им заблагорассудится, то и делают, на посту стоят - шляпа набекрень, ноги растопырены, сами жили и другим жить давали, а эти - машины, в которых черта засадили.

Плотник. Когда такой крикнет "стой!" и прицелится, пожалуй, на ногах не устоишь.

Иеттер. Я бы на месте умер.

Плотник. Пойдем-ка домой.

Иеттер. Плохо наше дело. Прощай!

Подходит Зоост.

Зоост. Друзья! Товарищи!

Плотник. Тихо! Нам пора по домам!

Зоост. Слыхали?

Иеттер. Много чего слыхали.

Зоост. Правительница уехала{32}.

И е т т е р. Господи, смилуйся над нами!

П л о т н и к. Она-то еще за нас стояла.

З о о с т. Взяла да вдруг и уехала втихомолку. Не сумела с герцогом поладить. Дворянству, правда, велела передать, что воротится. Да никто не верит.

П л о т н и к. Господи, прости дворянам, что они и от этого кнута нас не избавили. А могли бы. Пропали теперь наши вольности.

И е т т е р. Ради бога, молчи ты о вольностях. Я носом чую, что наутро будут казни: солнце не выходит из-за туч, туман смердит.

З о о с т. Оранского тоже как ветром сдуло!{33}

П л о т н и к. Все, значит, нас оставили!

З о о с т. Граф Эгмонт еще здесь.

И е т т е р. Слава богу! Святители да сподобят его постоять за нас. Он один еще может что-то сделать.

Появляется Фансен.

Ф а н с е н. Наконец-то хоть двоих нашел, которые еще не забились в свои норы.

И е т т е р. Сделай одолжение, проваливай!

Ф а н с е н. Ты не больно-то вежлив.

П л о т н и к. Нынче об вежливости думать некогда. Опять, что ли, спина зачесалась? Наверно, зажить успела?

Ф а н с е н. Солдата об ранах не спрашивают. Коли бы я побоев боялся, из меня бы толку не вышло.

И е т т е р. Смотри, как бы хуже не было.

Ф а н с е н. Сдается мне, что у вас от надвигающейся грозы руки и ноги ослабли.

П л о т н и к. А твои руки и ноги еще наболтаются в воздухе, если ты не утомнишься.

Ф а н с е н. Бедные мышki, они мечутся в отчаянии, стоит только хозяину завести нового кота! Ну, кое-что переменится, а мы-то все равно будем жить, как жили, это уж будьте спокойны.

П л о т н и к. Ну и наглый ты пустобрех!

Ф а н с е н. Эх ты, заячья душа! Дай уж герцогу порезвиться. У старого кота вид такой, словно он вместо мышек чертей нажрался и никак их не переварит. Оставьте его в покое, пусть ест, пьет и спит, как все люди. Ничего нам не страшно, если правильно смотреть на нынешнее время. Сначала он спешит, туда-сюда бросается, а потом сообразит, что в кладовке, где сало висит, жить-то получше и ночью спать куда приятнее, чем в амбаре мышей подкарауливать. Бросьте вы, я этих наместников знаю!

П л о т н и к. Везет же человеку! Случись мне хоть раз столько всего наболтать, я бы каждую минуту за свою жизнь трясся.

Ф а н с е н. Успокойтесь, пожалуйста. О вас, ничтожных червях, сам господь на небе слыхом не слыхал, а уж правитель и подавно.

И е т т е р. Вот греховодник!

Ф а н с е н. Я знаю таких, кому бы лучше пришлось, если бы у них в жилах текла не геройская, а портновская кровь!{34}

П л о т н и к. Про кого это вы говорить изволите?

Ф а н с е н. Хм! Про графа.

И е т т е р. Эгмонта? Да ему-то чего бояться?

Ф а н с е н. Я голодранец и мог бы целый год жить на то, что он за один вечер проматывает. А ему, между прочим, выгодно было бы уступить мне свой годовой доход, чтобы хоть на четверть часа заполнить мою смекалку.

И е т т е р. Вот это придумал! Да у Эгмонта в волосах больше ума, чем у тебя в башке.

Ф а н с е н. А ну еще почешу язык! Больше, да не тоньше! Знатные господа всех легче в обман даются! Больно уж он доверчив!

И е т т е р. Ох, болтун! Знатный такой господин...

Ф а н с е н. В том-то и беда, что не портняжка!

И е т т е р. Неумытое рыло!

Ф а н с е н. Ему бы хоть на часок вашего куражу набраться, да так, чтобы у него все тело свербило да зудило, покада он из города не удерет.

И е т т е р. Что за несурзные речи. До него, как до звезды небесной, никто не дотянется.

Ф а н с е н. А ты падающих звезд не видел, что ли? Раз - и нет ее.

П л о т н и к. Да кто ж на него руку поднимет?

Ф а н с е н. Тот, кого вам не остановить. Или вы думаете народ взбунтовать, когда его схватят?

И е т т е р. Ох!

Ф а н с е н. Может, свои бока за него подставите?

З о о с т. Эх!

Ф а н с е н (передразнивает их). Ох! Эх! Ах! Хоть всю азбуку переберите от удивления! А что есть, то есть! Помоги ему бог!

И е т т е р. Вы бесстыдник такой, что страх берет! Ну что может угрожать этому благороднейшему, честнейшему человеку?

Ф а н с е н. В выигрыше всегда остается прохвост. На скамье подсудимых он судью одурачит, в судейском кресле - судью сумеет сделать подсудимым. Мне раз довелось переписывать протокол, из которого ясно было, что некий комиссар получил чистоганом весьма высокую благодарность от двора за то, что одного горемыку засудил как мошенника.

П л о т н и к. Опять вранье. Разве можно на суде так дело повернуть, чтобы безвинный виновным оказался?

Ф а н с е н. Дурья твоя башка! Если из судебного допроса никакой вины не вытащишь, так можно ее в этот самый допрос втащить. Сначала судья очень мягко обходится с обвиняемым, а тот, на радостях, что никакой вины за ним не числят, выбалтывает все, о чем разумный человек бы промолчал. Судья его ответы вновь превращает в вопросы и высматривает: не обнаружится ли где маленькое противоречие. Тут он и начинает плести веревку, а если беда, смешавшись, признается, что, пожалуй, сказанул лишнее, а там чего-то не договорил или, одному богу известно почему, вдруг утаил какую-то подробность или с перепугу что-то напутал, тогда - пиши пропало! И смею вас заверить: нищенки не так усердно обшаривают помойки в поисках завалывшегося лоскута, как такой умелый изготовитель плутов и жуликов мастерит из мелких, косвенных, перепутанных, перевранных, бог знает откуда выжатых, потайных, явных признанных и отрицаемых улики и обстоятельств соломенное чучело, чтобы в результате своих хитросплетений повесить его хотя бы in effigie*{35}. А тому несчастному остается только бога благодарить, если он сможет со стороны посмотреть, как его вешают.

---

* In effigie (лат.) - в изображении.

И е т т е р. Да, язык у тебя здорово мелет.

П л о т н и к. Муха, пожалуй, запутается в эдакой паутине, а оса только посмеется над ней.

Ф а н с е н. Смотря какие пауки ее плели. Долговязый герцог ни дать ни взять паук-крестовик. Толстобрюхий паук не такая вредина, а длиннопалый, с узким тельцем, которое не жиреет, сколько бы он ни жрал, - плетет нити тоненькие, да зато куда какие прочные.

И е т т е р. Эгмонт - рыцарь "Золотого руна"; кто посмеет его тронуть? Его и судить могут только равные, только орденский капитул в целом. У тебя язык без костей и совесть нечиста, оттого и несешь такую околесицу.

Ф а н с е н. Я разве ему зла желаю? По мне-то, он хорош. Достоянейший наместник! Двоих моих приятелей, которых другой наверняка бы велел повесить, он отпустил, хотя и приказал вздуть хорошенько. Ну, расходитесь, да поживее. Теперь уж мой черед вам это советовать. Вон патруль идет, и не похоже, чтобы им охота припала так сразу и выпить с нами на брудершafft. Погодим-ка маленько, посмотрим, что будет. У меня есть две племянницы и кум-кабатчик. Если уж они этих молодцов попотчуют да не приручат, значит, те и впрямь лютые волки.

КУЛЕНБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ.

АПАРТАМЕНТЫ ГЕРЦОГА АЛЬБЫ.

Сильва и Гомец встречаются.

С и л ь в а. Приказания герцога выполнены?

Г о м е ц. В точности. Всем дневным патрулям велено в определенное время явиться в назначенные мною пункты; до того часа они, как обычно, патрулируют город для поддержания порядка. Ни один не знает о другом и полагает, что приказ касается только его. Таким образом караулы могут быть расставлены мгновенно и перекроют все подступы к дворцу. Понятно тебе, почему отдан такой приказ?

С и л ь в а. Я привык к слепому повиновенью. А кому же и повиноваться, как не герцогу, ведь исход дела всегда доказывает, что приказ был отдан правильно.

Г о м е ц. Хорошо! Хорошо! Не диво, что ты стал замкнут и односложен, как герцог, ты ведь всегда находишься при нем. Мне это чуждо, я

привык к менее чопорной итальянской службе. Верность и послушанье - неизменно присущи мне, да только я люблю почесать язык и порассуждать вслух. Вы вечно молчите и не радуетесь жизни. Герцог для меня точно железная башня без дверей, - для того чтобы в нее проникнуть, нужны крылья. На днях я слышал, как он за столом сказал об одном веселом и компанейском человеке: он точно дешевый шинок с вывешенной над дверью бутылкой водки для прельщения бездельников, побирушек и воров.

С и л ь в а. Он и сюда-то привел нас молча.

Г о м е ц. Тут ничего не скажешь. Здорово! Кто своими глазами видел, как он из Италии вел армию сюда, может только диву даваться. Сумел ведь проскользнуть меж друзей и врагов, меж французов, тех, что за короля и гугенотов{36}, меж швейцарцев и союзников{36}, при этом поддерживая строжайшую дисциплину и легко и гладко справляясь с войском, которое считалось столь опасным. Да, там было на что посмотреть и чему поучиться.

С и л ь в а. А здесь! Все тихо, мирно, восстания как не бывало.

Г о м е ц. Ну, здесь поуспокоились еще до нас.

С и л ь в а. И в провинциях много тише стало, - если кто о чем еще и хлопочет, то лишь для того, чтобы удрать. Но герцог, думаю, вскоре и этим все дороги перегордит.

Г о м е ц. Король уж его своей милостью не обойдет.

С и л ь в а. А нам надо позаботиться, чтобы герцог не обошел нас своею. Если король прибудет, он сумеет отблагодарить и герцога, и тех, за кого тот слово замолвит.

Г о м е ц. Ты думаешь, король сюда пожалует?

С и л ь в а. Судя по хлопотам и приготовлениям - это так.

Г о м е ц. Меня они не убеждают.

С и л ь в а. Ты лучше помолчи о своих убеждениях. Если король и не намерен приехать, то он, несомненно, хочет, чтобы здесь верили в его приезд.

Т е ж е и Фердинанд, внебрачный сын Альбы.

Ф е р д и н а н д. Отец не выходил?

С и л ь в а. Мы ждем его.

Ф е р д и н а н д. Скоро прибудут наместники.

Г о м е ц. Еще сегодня?

Ф е р д и н а н д. Оранский и Эгмонт.

Г о м е ц (шепотом, Сильве). Я что-то смекаю.

С и л ь в а. Ну и держи про себя.

Т е ж е и герцог Альба.

Когда входит, другие отступают в глубь сцены.

А л ь б а. Голец.

Г о м е ц (выходит вперед). Ваша светлость!

А л ь б а. Ты расставил караулы и отдал им приказ?

Г о м е ц. Так точно. Дневные патрули...

А л ь б а. Достаточно. Ты будешь ждать на галерее. Сильва известит тебя, когда придет пора стянуть их и занять все входы во дворец. Остальное ты знаешь.

Г о м е ц. Да, ваша светлость! (Уходит.)

А л ь б а. Сильва!

С и л ь в а. Слушаю, ваша светлость!

А л ь б а. Сегодня ты должен проявить все, что я издавна ценю в тебе, отвагу, решительность и точное выполнение приказов.

С и л ь в а. Премного благодарен. Вы даете мне возможность доказать, что я все тот же.

А л ь б а. Как только наместники войдут к мне, постыпи взять под стражу личного секретаря Эгмонта. Надеюсь, ты принял должные меры, чтобы изловить всех, на кого я указал?{37}

С и л ь в а. Доверься нам. Судьба настигнет их неотвратимо, беспощадно, как солнечное затмение, в точно высчитанный час.

А л ь б а. Ты приказал неотступно следить за ними?

С и л ь в а. Да. И прежде всего за Эгмонтом. Он единственный, кто с тех пор, как ты прибыл сюда, не изменил своего образа жизни. Целый день - с коня на коня, гости толпятся у него в доме, за столом он радушен и весел, играет в кости, стреляет в цель, а ночью пробирается к своей милой. Другие, наоборот, словно дыхание затаили, сидят в четырех стенах, а когда проходишь мимо, кажется, будто в доме тяжелобольной.

А л ь б а. Так спешите же, покуда они не выздоровеют против нашей воли.

С и л ь в а. Я обложил их со всех сторон. По твоему велению мы воздаем им почести и выказываем готовность в любую минуту им служить. Ужас сковал их: они политично и робко нас благодарят, чувствуя, что им остался один выход - бежать, но никто не отваживается и шага сделать, они мешкают, не знают, как действовать заодно, а в одиночку бессильны решиться на смелый поступок, тому мешает дух общности. Они так хотят ускользнуть от подозрений и тем самым навлекают их на себя. Я с радостью предвижу осуществление твоего замысла.

А л ь б а. Я радуюсь только свершившемуся, да и то с неохотой, - всегда ведь остаются поводы для тревог и раздумий. Счастье своенравно, ему случается вознести низкое, ничтожное, а хорошо продуманные действия обесчестить пошлым исходом. Оставайся здесь, покуда не придут наместники, и тут же отдай приказ Гомецу занять улицы, а сам поспеши арестовать Эгмонтова секретаря и прочих, указанных в списке. Когда дело будет сделано, придешь сюда и доложишь моему сыну, он передаст мне эту весть на заседании совета.

С и л ь в а. Надеюсь, мне нынче вечером суждено будет предстать перед тобой.

Альба идет к сыну, все время стоявшему на галерее.

Я сам не смею себе признаться, но надежды мои угасают: боюсь, все будет не так, как он задумал. Мне видятся духи; в тихой задумчивости взвешивают они на черных весах судьбы наместников и многих тысяч людей. Медленно колеблется стрелка весов - вверх, вниз; глубоко задумались судьи, вот опускается одна чаша, вверх пошла другая - своенравная судьба дохнула на нее, и все решилось. (Уходит.)

А л ь б а (выходит с Фердинандом). Как тебе понравился город?

Ф е р д и н а н д. Я многого навидался. Проехал на коне, словно от нечего делать, улицу за улицей. Ваши караулы умело расставлены и держат людей в таком страхе, что те и шепотом слова сказать не решаются. Город как поле, когда вдали уже вспыхивают молнии: ни птицы не видно, ни зверя, разве тех, что в испуге ищут, куда бы спрятаться.

А л ь б а. И ничего больше тебе не встретилось?

Ф е р д и н а н д. Эгмонт с несколькими всадниками проскакал по Рыночной площади, мы с ним поздоровались. Под ним был еще не обьеженный конь, прекрасный, я так ему и сказал. "Надо поскорее объезжать лошадей, того и гляди, они нам понадобятся!" - крикнул он и добавил, что сегодня мы еще встретимся, по вашему требованию он прибудет на совет.

А л ь б а. Да, он увидит тебя.

Ф е р д и н а н д. Из рыцарей, которых я здесь узнал, он мне всего более по душе. Мне кажется, мы будем друзьями.

А л ь б а. Ты все еще скор и неосмотрителен, я узнаю в тебе легкомыслие твоей матери, так быстро толкнувшее ее в мои объятия. Сколько раз, прельстившись внешностью, ты поспешно вступал в опасные связи.

Ф е р д и н а н д. Я стараюсь покорствовать вашей воле.

А л ь б а. В жилах у тебя течет молодая кровь, и я прощаю тебе пылкое доброжелательство, опрометчивую жизнерадостность. Не забывай только, зачем я послан сюда, и помни, какую роль я тебе предназначаю.

Ф е р д и н а н д. Не щадите меня своими напоминаниями, когда это будет нужно.

А л ь б а (после паузы). Сын мой!

Ф е р д и н а н д. Отец!

А л ь б а. Вскоре придут наместники, придут Оранский и Эгмонт. Не сочти за недоверие, что я лишь сейчас говорю тебе о том, что должно произойти. Отсюда они уже не выйдут.

Ф е р д и н а н д. Что ты замыслил?

А л ь б а. Принято решение взять их под стражу. Ты удивлен? Послушай же, что возложено на тебя; причины ты знаешь, когда все свершится, - сейчас говорить о них уже нет времени. С тобой одним я хочу обсудить самое главное, самое сокровенное. Нерушимые узы связывают нас, ты мне дорог, я люблю тебя и всему, всему хочу тебя научить. Не только привычке повиноваться, но и уменью вникать в

самую суть полученного приказа, а потому повелевать и выполнять. Я хочу оставить тебе это великое наследство, а королю - надежнейшего слугу, отдать тебе лучшее из того, что есть у меня, дабы не стыдно тебе было стать вровень с твоими братьями{38}.

Ф е р д и н а н д. В каком же я долгу перед тобой за любовь, которою ты даришь одного меня, тогда как вся страна перед тобой трепещет.

А л ь б а. Теперь слушай, что надо делать. Как только наместники войдут во дворец, все входы и выходы будут заняты войсками. Гомецу уже отдан приказ. Сильва поспежит захватить секретаря и наиболее подозрительных из Эгмонтовой свиты. Ты расставишь караулы у ворот и во внутренних дворах. Но прежде всего размести верных людей здесь и в соседних покоях, а сам жди на галерее, откуда не вернется Сильва, и принеси мне какую-нибудь ничего не значащую бумагу в знак того, что он справился с возложенным на него поручением. Потом оставайся в сенях, жди, когда Оранский соберется уходить, и следуй за ним, я задержу Эгмонта под предлогом, что мне надо еще поговорить с ним. В конце галереи потребуй у Оранского его шпагу, зови караульных и быстро захвати этого опаснейшего из опасных, а я захвачу Эгмонта.

Ф е р д и н а н д. Я повинуюсь, отец, - не скрою, с горестью в сердце.

А л ь б а. Прощаю тебя: это твой первый великий день.

Входит Сильва.

С и л ь в а. Гонец из Антверпена. Вот письмо от Оранского! Он не приедет.

А л ь б а. Так сказал гонец?

С и л ь в а. Нет, мое сердце.

А л ь б а. Твоими устами говорит мой злой гений. (Прочитав письмо, подает знак обоим, те удаляются на галерею; Альба - один на авансцене.) Не приедет! До последней минуты увильгивает от объяснений. Он посмел не явиться! Значит, и на сей раз, против ожидания, умный был достаточно умен, чтобы совершить неразумный поступок. Часы идут! Совсем мало осталось пройти стрелке, и великое дело свершится или будет упущено, безвозвратно упущено, ибо ни скрыть его, ни воротить нельзя. Давно я все взвесил, даже этот случай представил себе и решил, что мне надо будет делать. А теперь, когда пришла пора действовать, меня одолевают все "за" и "против". Есть ли смысл брать остальных, если этот уйдет от меня? Помешкав, я дам ускользнуть и Эгмонту с его приверженцами, которым несть числа, а сегодня, может быть, еще только сегодня, они в моих руках. Так судьба принуждает покориться и тебя, непокоримого! Сколько раздумий! Как тщательно я готовился! Какой грандиозный, прекрасный план! Надежда была так близка к осуществлению. И вдруг в решающий миг я столкнулся с двояким злом. Будущее темно, я словно хочу вытащить свой жребий из урны, но билет еще свернут, и мне неизвестно, что это - выигрыш или пустышка. (Он напряженно вслушивается, потом подходит к окну.) Это он! Эгмонт! Легко принес тебя твой конь, не прынул, почуяв запах крови, не шарахнулся при виде духа с обнаженным мечом, что стоит у ворот! Спешивайся, Эгмонт! Вот ты одной ногой в могиле, а теперь - уже и обеими. Погладь коня, похлопай его последний раз по холке. Мне выбора не осталось: в ослепленье явился Эгмонт сюда, второй раз так просто он мне в руки не дастся! Эй! Вы!

Быстро входят Фердинанд и Сильва.

Поступайте согласно моему приказу, он остается в силе. Я уж как-нибудь задержу здесь Эгмонта, откуда ты не принесешь мне вести от Сильвы. Потом будь поблизости, чтобы судьба не отняла у тебя великой заслуги собственными руками схватить заклятого врага его величества. (Сильве.) Поспеш! (Фердинанду.) А ты иди ему навстречу. (Несколько мгновений остается один и молча шагает из угла в угол.)

Входит Эгмонт.

Э г м о н т. Я явился услышать повеления короля, узнать, какую службу может сослужить ему моя преданность, вечная и неизменная.

А л ь б а. Прежде всего король хочет вашего совета.

Э г м о н т. Какого? Оранский тоже прибудет? Я думал застать его здесь.

А л ь б а. Я очень сожалею, что его нет с нами в этот трудный час. Король желает услышать ваш совет, узнать, что вы думаете касательно умиротворения провинций. Он надеется, что вы будете деятельно способствовать восстановлению спокойствия и прочного порядка.

Э г м о н т. Вы не хуже меня знаете, что волнения в провинциях почти утикли, и утикли бы совсем, если бы вновь прибывшие войска не посеяли тревогу и страх в сердцах жителей.

А л ь б а. Вы, видимо, намекаете, что лучше бы король не посылал меня сюда на переговоры с вами?

Э г м о н т. Прошу прощения! Не мне судить, следовало королю посылать сюда войска или нет. Я полагаю, что мощное впечатление от присутствия его величества воздействовало бы сильнее. Но войско здесь, а короля нет. Мы, однако, не так неблагодарны и забывчивы, чтобы не помнить, сколь многим мы обязаны правительнице. Да и можно ли не признать, что своими умными и смелыми действиями - когда силой, а когда и осмотрительностью, когда уговорами, а когда и хитростью - она утихомирила взбунтовавшийся народ и, всему свету на удивленье, за какие-то несколько месяцев принудила его осознать свой долг.

А л ь б а. Не спорю. Страсти улеглись, и каждый, по-видимому, вновь водворен в границы покорства. Но разве не может он по собственному произволу их нарушить? Кто помешает народу вновь затеять смуту? Где та власть, что сумеет его удержать? Кто нам поручится, что они и впредь будут верноподданными? Добрая воля народа - другим залогом мы не располагаем.

Э г м о н т. А разве добрая воля народа не самый лучший, не самый надежный залог? Клянусь богом, королевский престол всего надежнее там, где все стоят за одного и один за всех. Тогда не страшны ни внешние, ни внутренние враги.

А л ь б а. Вы не уговорите меня, что здесь именно так обстоит дело.

Э г м о н т. Если король объявит всеобщую амнистию, он успокоит взволнованные умы, и вскоре мы убедимся, что вместе с доверием возвратились и любовь и преданность.

А л ь б а. И каждый, кто виновен в поношении его величества короля и в богохульстве, будет беззаботно разгуливать на свободе, служа живым примером того, что наитягчайшие преступления остаются безнаказанными.

Э г м о н т. А разве преступления, совершенные по глупости или под пьяную руку, заслуживают не прощенья, а беспощадной кары? Да еще там, где есть надежда, уверенность даже, что зло более не повторится? Разве не спокойнее правят короли, зная, что современники и потомки будут прославлять их за то, что они сумели презреть, простить, более того, пожалеть тех, кто осмелился оскорбить их сан? Разве не потому королей считают благонравными, что до высоты престола не доходят ни хула, ни кощунство?

А л ь б а. Вот потому-то король и призван вступаться за бога и религию, а мы - за короля. Мы должны мстить за то, что высшая власть отвергает с презрением. Я смотрю на это по-другому - ни один виновный не должен остаться безнаказанным.

Э г м о н т. Ты полагаешь, что всех сумеешь захватить? Мы каждый день слышим, что страх гонит людей с места на место и даже вон из страны. Богачи увезут с собою свое имущество, своих детей и друзей, бедняк отдаст соседнему государству труды своих рук.

А л ь б а. Да, если мы не сумеем этому воспрепятствовать. Потому-то король и требует совета и действий от каждого облеченного властью, суровости от каждого наместника, а не рассказней о том, что имеет и что имело бы место, если все пойдет своим чередом. Смотреть на великое зло, тешить себя надеждой, доверяться времени, нет-нет да и вмешаться в потасовку, как на карнавале, с треском дать кому-нибудь оплеуху, чтобы казалось, будто ты что-то делаешь, тогда как ничего делать тебе не хочется, - разве это не значит навлечь на себя подозрения, не значит, что ты с удовольствием наблюдаешь за мятежом и хоть и не был его зачинщиком, но все же его выпестовал.

Э г м о н т (готов вспыхнуть, но берет себя в руки и после небольшой паузы твердо говорит). Не всякое намерение видно с первого взгляда, многие толкуют намерения превратно. Вот слышим же мы со всех сторон: в намерения короля, мол, входит не столько управлять провинциями согласно единым и всем ясным законам, не столько укреплять величие религии и даровать своему народу доподлинный мир, сколько согнуть его в бараний рог, силой отнять у него исконные права, завладеть его богатствами и далее - ограничить достославные дворянские вольности, которые и заставляют дворян верой и правдой служить государю, не щадя живота своего. Религия, говорят нынче, - это только роскошный ковер, укрывшись за которым удобнее измышлять любые злодеяния. Народ коленопреклоненно возносит молитвы вытканным на ковре сакральным символам, а за ним притаился птицелов, выслеживающий добычу.

А л ь б а. И такое я слышу от тебя?

Э г м о н т. Не мои это убеждения, а слова, которые слышишь теперь повсюду, от великих и малых, от умных и дураков. Нидерландцы страшатся двойного ярма, ибо кто поручится за целостность их свобод?

А л ь б а. Свобода! Прекрасное слово для того, кто правильно его понимает. Какой свободы они хотят? И что значит свобода свободнейшего? Поступать как должно - в этом король никому не помеха. Нет! Нет! Они не считают себя свободными, если не могут вредить себе и другим. Лучше, по-моему, отречься от престола, нежели править таким народом. Когда нас теснят внешние враги, о которых ни один обыватель и не вспоминает, ибо он всецело поглощен ежедневными хлопотами, и королю потребуются содействие и защита, у нидерландцев немедленно начнется междоусобица, а тем самым они сыграют на руку врагу. Потому-то и надо их теснить, надо воспитывать, как детей, как детей, направлять к благим целям. Поверь мне, народ не стареет, не набирается ума, он навеки остается ребенком.

Э г м о н т. А как редко становится разумным король! И не лучше ли для многих и вверять себя многим, нежели одному, и даже не одному, а нескольким избранным, этим одним, то есть народцу, который старится на глазах у своего повелителя. Видно, только этому народцу и даровано право набираться ума.

А л ь б а. Может быть, именно потому, что он не предоставлен самому себе.

Э г м о н т. И потому никто не хочет быть предоставленным себе. Поступайте как знаете - я на твой вопрос ответил и повторяю: ничего не выйдет, не может выйти! Я знаю своих соотечественников. Это люди, достойные ступать по земле господней, каждый сам себе маленький король, твердый, предприимчивый, способный, верный и всей душою преданный обычаям старины. Заслужить доверие этих людей трудно, но сохранить легко! Они упорные и стойкие! Гнуть их можно, согнуть нельзя.

А л ь б а (за это время он несколько раз оглядывался). Ты взялся бы повторить все это перед лицом короля?

Э г м о н т. Худо, если бы я струсил перед ним! И тем лучше было бы для короля, для его народа, если бы он внушил мне смелость и доверие высказаться еще куда полнее.

А л ь б а. Все, что полезно, я могу выслушать вместо него.

Э г м о н т. Я бы сказал ему: пастух легко справляется с целым стадом овец, вол покорно тащит за собою плуг, но если тебе предстоит объезжать благородного коня, то сначала изучи его норы и помни: неразумно требовать от него неразумного. Вот нидерландцы и хотят сохранить свои старые порядки, хотят, чтобы ими правили соотечественники, ибо заранее знают, чего от них ждать, и верят в их

Бескорыстие и попечение о судьбах народа.

А л ь б а. А разве правителю не дано изменять стародавние порядки и разве это не лучшая из его привилегий? Что неизменно в земной юдоли? Неужели государственный строй? Разве с течением времени не изменяются все условия и обстоятельства, и не потому ли устаревший государственный порядок и порождает тысячи зол, что он уже более не соответствует положению вещей? Мне думается, многие ратуют за старинные привилегии потому, что они становятся прибежищем, пробравшись в каковое, умный и сильный может действовать во вред народу, во вред целому.

Э г м о н т. Эти произвольные изменения, это неограниченное вмешательство верховной власти уже предвещает, что один будет делать все, что запрещается тысячам. Он лишь для себя хочет свободы, хочет удовлетворять любое свое желание, без помехи осуществлять любой свой замысел. И даже если мы полностью ему доверимся, доброму, мудрому королю, разве может он поручиться за своих преемников? Поручиться, что ни один из них не станет самоуправствовать? Кто же спасет нас от произвола, когда король пришлет сюда своих слуг, своих приближенных, которые, ничего не зная о нашей стране и ее нуждах, начнут бесцеремонно хозяйничать в ней и, не встретив сопротивления, решат, что избавлены от всякой ответственности?

А л ь б а (снова оглядывается). Ничего нет удивительного, что король хочет править по собственному усмотрению и предпочитает отдавать приказы тем, кто лучше других понимает, стремится понять и во что бы то ни стало выполнить его волю.

Э г м о н т. И столь же не удивительно желание граждан, чтобы в их стране правил тот, кто родился и вырос вместе с ними, кто усвоил те же понятия о праве и несправедливости - словом, тот, в ком они видят брата.

А л ь б а. Тем не менее дворянство в свое время произвело не слишком справедливый раздел с этими пресловутыми братьями.

Э г м о н т. С тех пор прошли века, и ни малейшей зависти это уже ни в ком не вызывает. Но если, безо всякой нужды, сюда будут присланы новые люди, которые пожелают вторично обогатиться за счет народа и народ окажется отданным на произвол беспощадной, наглой, неудержимой корысти - начнется брожение, которое вряд ли уляжется само собой.

А л ь б а. Ты говоришь мне то, чего я не должен был бы слушать. Я тоже чужой здесь.

Э г м о н т. Раз я это тебе говорю, значит, разумно не тебя.

А л ь б а. Все равно такое слушать мне не пристало. Король послал меня в надежде, что здешнее дворянство окажет мне поддержку. Король волен настаивать на исполнении своей воли. Он долго размышлял и, наконец, ему открылось, что пойдет на пользу народу. Так дальше продолжаться не может. Намерение его величества: кое в чем ограничить вас для вашей же пользы, а если потребуется, то и навязать вам ваше же собственное благо, пожертвовать, наконец, смутьянами, дабы остальные граждане обрели покой и могли наслаждаться радостью мудрого правления. Таково решение короля, и мне приказано сообщить его дворянству. Именем короля я требую совета, как это сделать, что делать он уже решил.

Э г м о н т. Увы, твои слова подтверждают, что страх народа обоснован, всеобщий страх! Итак, король решился на то, на что не следовало бы решаться ни одному властителю, - подорвать мощь своего народа, его дух, чувство собственного достоинства, унижить его, уничтожить - для того, чтобы удобнее было им управлять. Он хочет сгноить глубоко заложенное ядро его своеобразия, дабы этот народ осчастливить. Хочет втоптать в землю, дабы из него проросло нечто совсем другое. О, если он замыслил доброе дело, то на какой же путь его толкнули советчики! Народ не восстает против короля, а лишь препятствует ему идти по неверному пути, хотя он уже успел сделать первые роковые шаги.

А л ь б а. Твой образ мыслей таков, что мы, по-видимому, ни до чего не договоримся. Ты уничижительно думаешь о короле, с презрением о его советчиках, сомневаешься в том, что все это давно продумано, проверено, взвешено. Я не получал поручения вновь пересматривать все "за" и "против". Я требую повиновения от народа - а от вас, первейших, благороднейших его представителей, совета и действий, которые станут порукой этого безусловного долга.

Э г м о н т. Потребуй, чтобы мы сложили головы, и это будет исполнено мгновенно. Согнуть голову под ярмо или склонить ее под топор для благородной души - все едино. Напрасно я так много говорил, ничего от моих слов не изменилось.

Входит Фердинанд.

Ф е р д и н а н д. Прошу простить, что я осмелился прервать вашу беседу. Вот письмо, его податель просит незамедлительного ответа.

А л ь б а. Дозвольте мне ознакомиться с письмом. (Отходит в сторону.)

Ф е р д и н а н д (Эгмонту.). Великолепного коня привели сейчас ваши люди.

Э г м о н т. Да, конь недурен. Он у меня уже давно, и я собираюсь его сменить. Если он вам по нраву, о цене, я думаю, мы сговоримся.

Ф е р д и н а н д. Хорошо, надо будет потолковать.

Альба подает знак сыну, тот отходит в глубину сцены.

Э г м о н т. Разрешите откланяться! Отпустите меня, честное слово, не знаю, что я мог бы еще сказать.

А л ь б а. Счастливый случай помешал тебе до конца раскрыть свои замыслы. Ты неосторожно выболтал, что у тебя на сердце, обвинил себя беспощаднее, чем самый яростный твой ненавистник.

Э г м о н т. Этот упрек меня не трогает, - зная себя, я знаю, как я предан королю: больше, чем многие, что на королевской службе служат

самим себе. Я нехотю оспаривать этот спор неразрешенным и надеюсь, что служение государю и благо родины вскоре объединят нас. Возможно, повторный разговор и присутствие других наместников, сегодня не прибывших сюда, в счастливую минуту сделают возможным то, что сейчас представляется нам невозможным. С этой надеждой в сердце я ухожу.

А л ь б а (одновременно подавая знак сыну). Стой, Эгмонт! Шпагу!

Средняя дверь открывается, видна галерея, занятая

стражей, которая стоит не двигаясь.

Э г м о н т (после недоуменного молчания). Так вот что ты задумал. Вот зачем вызвал меня. (Хватается за шпагу, словно намереваясь защищаться.) Но я не безоружен!

А л ь б а. Это приказ короля, ты мой пленник.

С обеих сторон к Эгмону подступают вооруженные стражники.

Э г м о н т (помолчав). Короля? Оранский! О, принц Оранский! (Отдает шпагу Альбе.) Возьми ее! Она чаще отстаивала дело короля, чем прикрывала эту грудь. (Уходит в среднюю дверь, стражники, находившиеся в зале, следуют за ним, сын Альбы также.)

Альба стоит неподвижно.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Улица. Сумерки.

Клэрхен. Бракенбург. Горожане.

Б р а к е н б у р г. Родная моя, ради бога! Что ты затеяла?

К л э р х е н. Идем, Бракенбург! Ты не знаешь людей, я уверена, мы его освободим. Ни с чем ведь не сравнишь их любовь к нему. Каждый, клянусь тебе, горит желанием его спасти, уберечь от опасности его драгоценную жизнь и возвратить свободу свободнейшему. Идем! Надо только, чтобы чей-то голос созвал их. Они хорошо помнят, чем ему обязаны! И знают, что гибель от них отводит только его могучая рука. Ради него и ради себя они должны все поставить на карту. А мы, какова наша ставка? Разве что жизнь, но если его не станет, кому она нужна?

Б р а к е н б у р г. Несчастливая! Ты не видишь, что неодолимая сила сковала нас железными цепями.

К л э р х е н. Я убеждена, что она одолима. Но не будем пустословить. Вон идут люди, пожилые, степенные, честные люди!.. Послушайте, друзья, соседи, послушайте меня! Скажите, что с Эгмонтом?

П л о т н и к. Что надо этой девочке? Заставьте ее замолчать.

К л э р х е н. Подойдите поближе, мы должны говорить шепотом, покуда не будем все заодно, покуда не наберемся силы. Нам и мгновения терять нельзя! Наглая тирания, посмевавшая бросить его в темницу, уже заносит над ним кинжал! Друзья мои! Сумерки с каждой минутой сгущаются, и мне все страшней и страшней. Я боюсь этой ночи. Идите! Побежим в разные стороны, от дома к дому сзывать горожан! Каждый возьмет старое свое оружие. На рынке мы снова встретимся, и наш поток всех увлечет за собой. Враг поймет, что он окружен, затоплен, а значит, и подавлен. Да и может ли устоять перед нами кучка прислужников. Он вернется, он будет среди нас, свободный, он будет благодарить нас, хотя мы его неоплатные должники. Он, может быть, увидит конечно же, увидит - утреннюю зарю на свободном небе.

П л о т н и к. Что с тобою, девочка?

К л э р х е н. Неужто вы меня не поняли? Я говорю о графе! Об Эгмонте я говорю.

И е т т е р. Не называй этого имени! Оно несет с собою смерть.

К л э р х е н. Его имени не называть! Имени Эгмонта? Кто же не произносит его всегда и везде? Где только оно не начертано? Я часто читала его, буква за буквой, на звездном небосводе. Не называть? Что это значит? Друзья! Дорогие мои соседи, вы бредите, очнитесь! Не смотрите на меня так пристально, с удивлением! Почему вы пугливо озираетесь по сторонам? Я ведь призываю вас к тому, чего желает каждый. Разве мой голос - не голос вашего сердца? Кто в эту страшную ночь, прежде чем забыться тяжелым сном, не преклонил колена, моля господа о его спасении? Спросите друг друга! Спросите сами себя! Кто не повторит за мной: "Свободу Эгмону или смерть!"

И е т т е р. Господи, помилуй, беды не миновать!

К л э р х е н. Постойте! Не бегите при одном имени Эгмонта, вспомните, как вы, протискиваясь сквозь толпу, встречали его ликующими криками! Когда молва возвещала его приближение: "Эгмонт скоро будет здесь! Эгмонт возвращается из Гента!", жители улиц, по которым он проезжал со своею свитой, почитали себя счастливыми. Заслышав топот коней, вы бросали работу, бежали к окнам, и при виде его на ваши озабоченные лица падал ответ радости и надежды. Стоя у дверей своих домов, вы высоко вскидывали детей, говорили им: "Смотри, вот Эгмонт, великий из великих! Смотри на него! Со временем он подарит вам лучшую жизнь, чем та, которою живут ваши

бедные отцы". Так не отпускайте же, чтобы дети спросили вас: "Куда он девался? Где та жизнь, что вы нам сулили?" Ах, мы только попусту тратим слова! Мы предаем его!

З о о с т. Стыдитесь, Бракенбург! Уведите ее! Она себя погубит.

Б р а к е н б у р г. Клэрхен, милая! Нам надо идти, что скажет матушка? Может быть...

К л э р х е н. Ты думаешь, я ребенок или безумная? Что "может быть"? От этой страшной уверенности ты меня никакой надеждой не избавишь. Услышите мои слова, я знаю, вы их услышите, вижу, как вы потрясены, вы сами себя не помните! Забудьте на миг об опасности, хоть один только раз загляните в прошлое, совсем недавнее прошлое. И еще подумайте о будущем. Разве вы сможете жить, если его не станет? С его дыханьем отлетит последнее дуновение свободы. Чем был он для вас? Для кого подвергал себя неминуемой опасности? Он истекал кровью и залечивал свои раны лишь ради вас. А теперь его великая душа, вместившая вас всех, стеснена тюремными стенами, призраки коварного убийства витают вокруг нее. Он, верно, думает о вас, на вас надеется, он, привыкший только дарить, только осуществлять.

П л о т н и к. Пойдем-ка, кум.

К л э р х е н. Пусть нет у меня ваших крепких рук, нет вашей силы, зато у меня есть то, чего недостает вам всем: мужество и презрение к опасности. Если бы я могла вдохнуть в вас жизнь и огонь, отогреть вас на своей груди! Идемте! Я пойду с вами! Как знамя реет над отрядом отважных воинов и ведет их в бой, так мой дух будет пламенеть над вами! А любовь и мужество соединят разрозненный, растерянный народ в грозное неодолимое воинство.

И е т т е р. Да уведи ты эту несчастную девочку...

Горожане уходят.

Б р а к е н б у р г. Клэрхен! Разве ты не видишь, где мы сейчас?

К л э р х е н. Где? Под открытым небом. О, каким же великолепным казался мне его свод, когда под ним проходил он, благороднейший из людей. А они, чтобы посмотреть на него, теснились у этих вот окон, один возле другого, голова к голове, толпились у дверей и кланялись, когда он с коня смотрел на них - жалких трусов. Я любила их за то, что они перед ним преклонялись. Будь он тираном, я бы поняла, что сейчас они от него отвернулись. Но они его любили! Ломали шапки перед ним, а теперь не имеют сил взяться за меч! А мы, Бракенбург? Мы их браним! Но мои руки, так часто державшие его в объятиях, что делают они для него? Хитрость города берет. Ты знаешь все входы и выходы в старом замке. Нет на свете невозможного, придумай что-нибудь.

Б р а к е н б у р г. Если бы мы пошли домой...

К л э р х е н. Хорошо!

Б р а к е н б у р г. Вон там на углу стража Альбы. Неужели голос разума так и не дойдет до твоего сердца? Или ты считаешь меня трусом? Не веришь, что я готов умереть за тебя? Оба мы с тобой безумны, я не меньше, чем ты. Разве ты не понимаешь, что задумала невозможное? Опомнись! Ты вне себя.

К л э р х е н. Вне себя? Как гадко ты говоришь, Бракенбург, это вы вне себя. Когда вы прославляли героя, называли его своим другом, опорой и надеждой, когда, завидев его, кричали "виват", я пряталась в своем уголке и, чуть приоткрыв окно, слушала, но сердце мое билось сильнее, чем ваши сердца. И сейчас оно бьется сильнее! Пришла беда, и вы прячетесь, вы отреклись от него, вы не хотите понять, что вас ждет гибель, если погибнет он.

Б р а к е н б у р г. Пойдем домой.

К л э р х е н. Домой?

Б р а к е н б у р г. Молю тебя, опомнись! Оглядишься вокруг! На эти улицы ты выходила только по воскресным дням, строго и чинно ты шла в церковь и сердилась, когда я, проговорив слова приветствия, осмеливался к тебе присоединиться. А теперь ты стоишь здесь, сзываешь людей на глазах у всех. Опомнись, моя родная! Ничему это не поможет.

К л э р х е н. Домой идти? Да, я опомнилась. Идем, Бракенбург, идем домой! А знаешь ли ты, где мой дом?

Уходят.

Тюрьма, освещенная лампой, в глубине койка.

Э г м о н т (один). Старый друг! Всегда верный мне сон, ужели и ты бежишь меня, как прочие друзья? Прежде ты услужливо нисходил на мою вольную голову и, точно миртовый венок любви{40}, освежал мои виски. В шуме походов, на буйных волнах житейского моря я покоился в твоих объятиях, дыша тихо и ровно, как младенец. Когда ветер свистел в ветвях и листьях, со скрипом раскачивал сучья и кроны, в глубинах моего сердца царил покой. Что же сейчас сотрясает его? Что колеблет мой твердый и верный разум? Знаю, топор убийцы уже подобрался к моему корневищу. Еще я стою прямо, но внутренняя дрожь пробирает меня. Да, коварные силы уже подкапывают высокий крепкий ствол, и, прежде чем засохнет кора, с треском рухнет вершина, круша все кругом. Но почему ты, легко, словно мыльные пузыри, стряхивавший с себя тягчайшие заботы, сейчас не в силах отогнать видения, что мечутся в твоей душе? С каких пор ты страшишься смерти, ведь с ее многоликими образами ты сжился, как и с другими картинами привычной земной жизни? Нет, не смерть - этот скорый на руку враг, с которым готово сразиться крепкое, смелое сердце, страшит меня, а тюрьма - прообраз могилы, равно отвратительный и герою и трусу. Мне нестерпимо было и в мягких креслах, когда вельможи на заседании государственного совета

в нескончаемых разговорах обсуждали дела, решить которые можно было не мешкая. Даже там мрачные стены и своды залы угнетали меня. При первой возможности я спешил прочь; дыша наконец полной грудью, вскакивал на коня и мчался туда, куда нам положено стремиться, в поле, где вместе с паром исходит из земли вся благодать природы и с неба овевают нас все благословения звезд. Там, наподобие рожденного землею исполина{41}, мы становимся сильнее и выше от ее материнского прикосновенья, ибо в жилах своих чувствуем все человечество, все его вождения. Там в душе молодого охотника разгорается страсть - побеждать, продвигаться вперед, наступать, пускать в ход кулаки, владеть и покорять. Там солдат быстро утверждает в своем мнимо исконном праве на весь мир и без удержу, губительно, как градобитие, пронесится по лугам, полям и лесам, не ведая границ, прочерченных рукой человеческой. Но увы, это только морок, только сон о счастье, который так долго владел мною. Куда же завела тебя предательская судьба? Ужели она отказала тебе в быстрой смерти под лучами солнца, смерти, которой ты никогда не страшился, чтобы мерзким запахом плесени дать тебе почувствовать близость могилы? Как гнусно дыханье этих камней. Жизнь уже замирает во мне, и лечь на койку мне не легче, чем в могилу. О, тоска, тоска! Ты хочешь прежде времени убить меня! Отойди! С каких пор Эгмонт один, совсем один в этом мире? Не счастье сделало меня бессильным, а сомненье. Справедливость короля, - а ты всю жизнь верил в нее, - дружба правительницы, едва ли не любовь (в этом ты вправе себе признаться), неужли все погасло, как сиянье потешных огней в ночи, и ты остался совсем один на темной тропе? Оранский во главе моих друзей, наверно, попытается прийти мне на выручку. А народ, сплотившись в грозную силу, разве не сделает попытки отомстить, освободив своего старого друга? О стены, сомкнувшиеся вокруг меня, не преграждайте пути столь многим сердцам, что спешат ко мне на помощь, и пусть живительная отвага, которую некогда сообщал им мой взгляд, из их сердец вернется в мое сердце. Тысячи спешат ко мне, они идут, они держат мою сторону. Их молитва возносится к богу, они молят о чуде. И если ангел не слетит с небес, чтобы спасти меня, я знаю, они возьмутся за мечи и копья. Врата распахнулись, упали решетки, стены рухнули под их натиском, и Эгмонт радостно спешит навстречу свободе грядущего дня. Сколько знакомых лиц среди тех, что встречают меня ликующими криками. Ах, Клэрхен, будь ты мужчиной, ты первая вошла бы ко мне, и я возблагодарил бы тебя за то, за что так трудно благодарить короля, - за свободу.

ДОМИК КЛЭРХЕН

Клэрхен входит с лампой и стаканом воды, ставит его

на стол, идет к окну.

К л э р х е н. Бракенбург? Это вы? Нет, слышалось, никого! Никого! Поставлю лампу на окошко, пусть видит, что я еще не легла, что еще жду его. Он обещал мне все разузнать. Что разузнать? Ужасная весть! Эгмонт осужден! Ни один суд не вправе его судить! А они осудили! Король это сделал? Или герцог? А правительницы и след простыл! Оранский медлит, и вместе с ним все его друзья! Это тот мир, о нерешительности, ненадежности которого я столько слышала, но ничего не знала, - неужли он и вправду таков? У кого же достало злобы возненавидеть лучшего человека на земле? И могущества столь быстро низвергнуть всеми признанного героя? Но это так - увы, так! О Эгмонт, а я-то считала, что ни бог, ни человек тебе не страшны, что везде ты укрыт, как в моих объятиях! Что я рядом с тобой? Но ты назвал меня своей, и всю жизнь я отдала тебе. А сейчас? Тщетно я протягиваю руки к петле, которую на тебя накинут. Ты беспомощен, а я свободна! Вот ключ от моей двери. Я вольна выходить и возвращаться, но ничем не могу служить тебе! Свяжите меня, иначе я с ума сойду, бросьте в самую глубокую яму, чтобы мне биться головой о склизкие стены, скулить в тоске по свободе, мечтать о том, как я бы спасла его, но будь на мне цепей. Но я свободна! И в этой свободе - весь ужас моего бессилия. В сознании и в полной памяти, я пальцем не могу пошевелить для его спасенья. Даже малая частица тебя, твоя Клэрхен, в плену. Разлученная с тобой, она в предсмертных судорогах теряет последние силы. Кто-то крадется, покашливает... Бракенбург... Да, это он!.. Несчастный добрый человек, твоя участь всегда одна: любимая и ночью отопрет тебе дверь, но ах, для какого злосчастливого свиданья.

Входит Бракенбург.

Ты так бледен, так робок, Бракенбург! Что там, скажи!

Б р а к е н б у р г. Окольными опасными путями я пробирался к тебе. На улицах стоят войска, мне пришлось красться переулками, проходными дворами.

К л э р х е н. Как это, объясни!

Б р а к е н б у р г (опираясь на стул). Ах, Клара, я плачу! Не любил я его. Богач, он сманил у бедняка последнюю овечку на свое тучное пастбище{42}. Но я никогда его не проклинал, бог создал меня преданным и кротким. Вся жизнь моя в страданиях протекала, и умереть хотел я каждый день.

К л э р х е н. Забудь об этом, Бракенбург, забудь о себе. Скажи мне о нем! Правда, правда, что он осужден?

Б р а к е н б у р г. Да, мне это точно известно.

К л э р х е н. Но жив еще?

Б р а к е н б у р г. Да, еще жив.

К л э р х е н. Как можешь ты ручаться? Тирания ночью убьет великого, тайно от народа прольется его кровь. Тревожным сном спят одурманенные люди и грезят о его спасенье, грезят, что сбылась их слабосильная мечта, - а тем временем дух его, негодуя на наше бездействие, покидает мир. Нет больше Эгмонта. Не лги мне и себе тоже.

Б р а к е н б у р г. Нет, точно, он жив! И, о горе, испанец готовит народу, который он намерен растоптать, страшное зрелище, оно навеки сокрушит все сердца, что еще алчут свободы.

К л э р х е н. Продолжай! Спокойно объяви и мне мой смертный приговор! Все ближе и ближе поля блаженства, на меня уже веет оттуда мирным ветерком утешенья. Говори!

Б р а к е н б у р г. По множеству караулов, по обрывкам разговоров, то там, то сям до меня доносившихся, я понял, что на Рыночной площади тайно готовится нечто ужасное. Задворками я пробрался к дому двоюродного брата; из чердачного оконца мне удалось бросить взгляд на площадь. Там полыхали факелы, освещая испанских солдат, расставленных широким кругом. Изо всех сил напрягая зрение, я рассмотрел впотьмах черный помост, большой, высокий, мороз пробежал у меня по коже. Вокруг сновали люди, затагивая черным сукном местами еще белевшие доски. Под конец, я отчетливо это видел, они и лестницу застелили черным. Казалось, там будет совершенно чудовищное жертвоприношение. В стороне на помосте водрузили белое распятие; в ночи оно блестело, как серебро. Я все смотрел, смотрел, и страшная уверенность росла во мне. То тут, то там еще вспыхивали факелы, но вскоре и они погасли. Мерзостное порождение ночи вернулось в материнское лоно.

К л э р х е н. Молчи, Бракенбург! Молчи! Дай ночному покрову укрыть и мою душу. Исчезли призраки, а ты, благородная тьма, накинь свой плащ на землю, что уже вскипает изнутри. Не снести ей больше позорного бремени, она развернется и поглотит проклятый помост. Господь ниспошлет одного из ангелов своих{43}, чтобы стал он свидетелем его ярости. От святого его прикосновения падут затворы и цепи{43}, тихое сияние прольется на моего друга, и ангел сквозь ночь ласково и кротко поведет его к свободе. Тропа, по которой я иду ему навстречу, неприметно пролегает в этой тьме.

Б р а к е н б у р г (удерживая ее). Дитя мое, куда ты? На что ты решилась?

К л э р х е н. Тише, милый, чтобы никто не проснулся, чтобы мы сами себя не разбудили! Знаком тебе этот флакончик, Бракенбург? Я отняла его у тебя, когда ты частенько грозился прежде времени уйти из жизни... А теперь, мой друг...

Б р а к е н б у р г. Во имя всего святого!..

К л э р х е н. Тебе меня не остановить. Мой жребий - смерть! Позволь мне умереть легкой, быстрой смертью, которую ты приуготовил себе. Дай руку! В миг, когда передо мной открываются врата темного мира, откуда нет возврата, я хочу сказать тебе этим рукопожатием: как я тебя любила, как жалела! Мой брат умер в младенчестве, тебя я выбрала, чтобы ты заменил мне его. Но сердце твое возмутилось, и ты стал мучить себя и меня, все жарче домогаясь того, что не тебе предназначалось. Прости меня и прощай. Позволь мне назвать тебя братом! Это имя вмещает в себя множество других имен. С чистым сердцем прими от уходящей последний нежный цветок - прими мой поцелуй, - смерть все соединяет, Бракенбург, соединит и нас.

Б р а к е н б у р г. Мы умрем вместе! Поделись, поделись со мною ядом! Его довольно, чтобы погасить две жизни.

К л э р х е н. Останься! Ты должен, ты можешь жить. Поддержи мою мать, без тебя она зачахнет в бедности. Будь ей тем, чем я быть уже не могу, живите вместе, плачьте обо мне. Плачьте о родине и о том, кто один мог еще уберечь ее. Нашему поколению этого горя не избыть, даже неистовая месть не утишит его. Живите, бедные вы люди, проживайте сужденное вам время, которое и временем-то не назовешь. Скоро, скоро мир остановится, замрет его круговращенье, моему пульсу осталось биться лишь несколько минут! Прощай!

Б р а к е н б у р г. Живи с нами, живи для нас, как мы живем для тебя. Вместе с собой ты убиваешь и нас, живи, молю, живи и стражди. Мы неотступно будем подле тебя, и вечно бдительная наша любовь станет утешать тебя в своих живых объятиях. Останься с нами! Останься нашей! Я не смею сказать моей.

К л э р х е н. Молчи, Бракенбург, ты не ведаешь, чего ты коснулся. Там, где тебе брезжит надежда, я вижу только отчаяние.

Б р а к е н б у р г. Дели надежду с живыми! Остановись на краю пропасти, загляни в нее, но оглянись и на нас.

К л э р х е н. Я все оставила позади, не призывай меня к новой борьбе.

Б р а к е н б у р г. Ты как в дурмане, окутанная мраком, ты рвешься к темной бездне. Но не все еще померкло кругом, еще придет день...

К л э р х е н. Горе! Горе тебе, как жестоко срываешь ты пелену с моих глаз. Да, день забрезжит! Забрезжит, сколько бы он ни прятался за туманами! Боязливо подходит к окну горожанин; черное пятно оставила ночь, он смотрит, и роковой помост так страшно растет на свету. В новых муках обращает поруганный сын божий молящий взор к отцу-вседержителю. Солнце не решается взойти, не хочет обозначить час, когда он должен умереть. Вяло тащатся стрелки по своему пути, и час бьет за часом. Молчите! Не надо бить! Но пора пришла! Утро гонит меня в могилу. (Отходит в сторону и, сделав вид, что смотрит в окно, исподтишка выпивает яд.)

Б р а к е н б у р г. Клара! Клара!

К л э р х е н (идет к столу и пьет воду). Вот все, что осталось! Я не маню тебя за собой. Поступи, как сочтешь нужным. Прощай. Погаси эту лампу тихо, но не медли, я лягу отдохнуть. Постарайся выйти неслышно и дверь не позабудь закрыть. Тихонько! Не разбуди мою мать! Иди, спасайся. Спасайся, слышишь! Не то люди подумают, что ты убил меня. (Уходит.)

Б р а к е н б у р г. И в этот последний час она простилась со мной, как всегда прощалась. О, если б ведал кто, как любящее сердце настрадалось. Она ушла, и я стою один. И смерть и жизнь равно мне ненавистны. Смерть в одиночестве... О любящие, плачьте! Нет, нет судьбы печальнее моей. Она со мной не делит капли яда и отсылает прочь, прочь от себя. Не манит за собой, а снова гонит в жизнь. О Эгмонт, тебе выпал счастливый жребий. Она тебе предшествует! Венок победный из рук ее - он твой. Она тебе все небеса дарует! А мне за вами следовать? Опять стоять в сторонке? Чтобы огонь неугасимой зависти и ревности сжигал меня и там? Нет места для меня здесь, на земле. И ад и рай несут мне те же муки! Лишь разрушения грозная десница была бы мне желанна, горемыке! (Уходит.)

Некоторое время декорации прежние. Начинается музыка,

сопровождающая смерть Клэрхен. Лампа, которую

Бракенбург забыл потушить, еще несколько раз

вспыхивает и гаснет. Теперь сцена превращается в тюрьму.

ТЮРЬМА.

Эгмонт спит на тюремной койке. Слышно звяканье

ключей, дверь открывается, входят слуги с факелами,

за ними - Фердинанд, сын Альбы, и Сильва в

сопровождении вооруженной стражи.

Эгмонт мгновенно просыпается.

Э г м о н т. Кто вы, так грубо прервавшие мой сон? Что возвещают мне ваши наглые, трусливые взгляды? К чему этот устрашающий церемониал? Какой кошмар вы хотите выдать за действительность еще дремлющей душе?

С и л ь в а. Герцог послал нас возвестить тебе приговор.

Э г м о н т. Ты и палача захватил с собой, чтобы привести его в исполнение?

С и л ь в а. Выслушай и ты узнаешь, что тебя ждет.

Э г м о н т. Ночь - лучшего времени вы выбрать не могли для вашего позорного деяния! В ночи задумано, в ночи и свершено! Так проще скрыть поступок дерзкий и незаконный! А ну, выходи, не бойся, ты, что прячешь меч под плащом, - вот моя голова, свободнейшая из всех, которые тирания отсекала от туловища.

С и л ь в а. Ты ошибаешься. Свое решение праведные судьи не станут укрывать от света дня.

Э г м о н т. Итак, наглость превзошла все пределы возможного.

С и л ь в а (берет у близстоящего стражника приговор, развертывает свиток и читает). "Именем короля и в силу препорученной нам его величеством власти судить любого из подданных его величества, к каковому бы сословию он ни принадлежал, не исключая рыцарей "Золотого руна", мы..."

Э г м о н т. А король вправе препоручать свою власть?

С и л ь в а. "Мы, по предварительном тщательном и законном расследовании, признали тебя, Генриха, графа Эгмонта{44}, принца Гаврского, повинным в государственной измене и вынесли приговор: вывести тебя, чуть займется день, из тюрьмы на Рыночную площадь и там, перед лицом народа и в назидание всем изменникам, лишить тебя жизни путем отсечения головы. Дано в Брюсселе..." (Число и день читает так невнятно, что Эгмонт не может их разобрать.) "Фердинанд, герцог Альба, председатель Суда Двенадцати"{45}. Теперь твоя участь тебе известна. Времени у тебя мало, чтобы примириться с нею; отдай распоряжения касательно устройства твоих домашних дел и попрощайся с близкими.

Сильва и сопровождающие его уходят. Фердинанд остается.

Горят еще только два факела, тускло освещая сцену.

Э г м о н т (погруженный в свои думы, некоторое время стоит недвижно, не оглянувшись на уходящего Сильву. Он уверен, что остался один, но, подняв взор, видит сына Альбы). Ты здесь? Хочешь своим присутствием приумножить мое изумление, мой ужас? Или стремишься принести отцу желанную весть, что я впал в недостойное мужчины отчаяние? Иди! Скажи ему, скажи, что ни меня, ни человечество ему обогать не удастся. Скажи ему, неистовому честолюбцу, что сначала люди будут шептаться за его спиной, потом заговорят все громче и громче, а когда он сойдет с вершины, тысячи голосов станут кричать ему: "Не благо государства, не честь короля, не спокойствие провинций привели тебя к нам. Для себя он придумал эту войну, ибо война всегда на руку воину, для себя поднял эту страшную смуту, чтобы стать нужным королю". Я пал жертвой его подлой ненависти, его мелочной зависти. Я это знаю и говорю, ибо умирающий, смертельно раненный, имеет право говорить и такое. Суетный тщеславный человек, он всегда завидовал мне и давно уже обдумывал и прикидывал, как убрать меня с дороги. Еще в юности, когда мы играли в кости и кучки золота от него непрестанно перекочевывали ко мне, он становился угрюм и мрачен, притворялся спокойным, но злоба душила его, не столько из-за проигрыша, сколько из-за моего везенья. Помнится мне также его горящий взгляд и предательская бледность, когда на празднике, перед тысячами зрителей, мы состязались в стрельбе. Он вызвал меня, испанцы и нидерландцы толпились вокруг, ставили каждый на своего, желали победы - каждый своему. Я взял верх над ним, его пуля пролетела мимо, моя попала в цель, победный крик нидерландцев потряс воздух. Теперь его пуля поразит меня. Скажи ему, что я вижу его насквозь, и добавь, что человечество презирает победные отличия, которых мелкая душонка добивается кознями и ложью. А ты, если сыну возможно презреть обычаи отца, привыкни к стыду, ибо тебе довелось стыдиться того, кого бы ты от всей души хотел почитать.

Ф е р д и н а н д. Я слушаю тебя, не перебивая! Твои упреки точно удары палицы по шлему, меня всего сотрясает, хотя я при оружии. Ты попадаешь в меня, но не ранишь: чувствую я только боль, она разрывает мое сердце. Увы мне! Вот, значит, для чего я возмужал, вот на какое зрелище я послан!

Э г м о н т. Ты предаешь сотованиям? Что трогает тебя? Запоздалое раскаяние, что ты участвовал в постыдном разговоре? Ты молод и хорош собою. И ты был всегда доверчив и приветлив со мной; откуда я на тебя смотрел, я примирялся с твоим отцом. Но так же лицемерно и подло, еще подлее его, ты заманил меня в сети. Ты хуже отца. Тот, кто доверяется ему, знает, что идет навстречу опасности, - но кто чувствует опасность, доверяясь тебе? Уходи! Уходи! Я не хочу, чтобы ты крал у меня последние мгновения! Уходи, я должен собраться с мыслями, но прежде забыть о жизни и о тебе!

Ф е р д и н а н д. Что мне сказать? Я стою здесь, смотрю на тебя, и тебя не вижу, и не знаю даже, существую ли я. Просить прощенья? Заверять тебя, что я поздно, в последнюю минуту, узнал о намерениях отца, что я действовал не по своей воле, а как слепое орудие в его руках? Что пользы от того, какое мнение сложилось у тебя обо мне? Ты погиб, а я, несчастный, стою здесь, чтобы это подтвердить, чтобы оплакивать тебя.

Э г м о н т. Какое странное признание, какое нежданное утешенье на пути к могиле. Ты, сын моего главного и, пожалуй, единственного врага, ты плачешь обо мне, ты не из числа моих убийц? Скажи, ответь, за кого я должен считать тебя?

Ф е р д и н а н д. Жестокосердый отец! Ты весь в этом приказе! Ты знаешь мое сердце, мои убеждения, ты не раз попрекал меня, называя их наследием моей кроткой матери. Желая сделать меня себе подобным, ты послал меня к нему. Видеть этого человека на краю разверстой могилы, тобою обреченного смерти, ты заставил меня, дабы я, испытав нестерпимую боль, стал глух к судьбам любого, бесчувственным ко всему, что бы ни происходило.

Э г м о н т. Я ничего не понимаю! Возьми себя в руки! Говори как подобает мужчине.

Ф е р д и н а н д. О, я хотел бы быть женщиной! Пусть бы меня спрашивали: что трогает тебя? Что волнует? Назови мне зло еще страшнее и нестерпимее, сделай свидетелем поступка еще более низкого - я поблагодарю тебя и скажу: "Все это ничто".

Э г м о н т. Ты вне себя. Где ты витаешь?

Ф е р д и н а н д. Дай мне неистовством избыть свои страдания, дай излить свою душу! Я не хочу казаться стойким, когда все рушится во мне. Тебя, тебя я вижу здесь! Ужасно! Ты меня не понимаешь. Да и надо ли тебе понимать меня? Эгмонт! Эгмонт! (Обнимает его.)

Э г м о н т. Открой мне тайну.

Ф е р д и н а н д. Здесь нету тайны.

Э г м о н т. Почему ты так близко принимаешь к сердцу судьбу чужого человека?

Ф е р д и н а н д. Нет, не чужого! Ты мне не чужой. Еще в детстве твое имя, как звезда, светило мне с небес. Как часто я слышал о тебе, о тебе расспрашивал. Мальчику грезится юноша, юноше - зрелый муж. Ты всегда шел впереди меня, всегда я смотрел на тебя без зависти и поспешал за тобой вперед, вперед! И, наконец, мне явилась возможность тебя увидеть, я увидел, и сердце мое устремилось к тебе. К тебе меня влекло, и, увидав тебя, я вновь избрал тебя из всех. Во мне забрезжила надежда навсегда с тобой остаться, жить подле тебя, тебя постигнуть, и все обернулось пустой мечтой, я увидел тебя здесь!

Э г м о н т. Друг мой, если тебя это успокоит, знай, что с первого же мгновения моя душа для тебя открылась. Но слушай, пора нам поговорить спокойно. Скажи: твой отец всерьез и непреклонно решил убить меня?

Ф е р д и н а н д. Да, это так.

Э г м о н т. Его приговор не уловка с целью запугать меня, покарать нависшей опасностью и страхом, унижить, а потом вновь вознести, именем короля объявив мне помилованье?

Ф е р д и н а н д. Нет, увы, нет! Поначалу и я тешил себя такою надеждой, но даже тогда мое сердце наполнилось страхом и болью - увидеть тебя в заточении. Теперь от правды не уйдешь, это сбылось. Нет, я потерял власть над собой. Кто мне поможет, кто даст совет, как избежать неизбежного?

Э г м о н т. Так слушай же! Если сердце тебе повелевает спасти меня, если тебе ненавистна сила, что держит меня в оковах, так спаси! Дорого каждое мгновенье. Ты сын всевластного и сам имеешь власть. Нам надо бежать! Я знаю все дороги, ты - все возможности. Лишь эти стены да немногие мили отделяют меня от друзей. Сними с меня оковы, мы доскачем до них, и ты останешься с нами. Король со временем, несомненно, поблагодарит тебя за мое спасенье. Сейчас он ошеломлен, а может быть, ему ничего не известно. Твой отец действовал самовольно, и королю останется только принять случившееся, даже если оно и повергнет его в ужас. Ты задумался? О, найди для меня путь к свободе! Говори! Укрепи надежду еще живой души.

Ф е р д и н а н д. Не надо! Замолчи! Каждое твое слово только множит мое отчаяние. Не может тут быть ни выхода, ни решения, ни побега. Вот что мучит меня, когтями впивается в мое сердце. Я сам помогал плести эту сеть, я знаю, как крепко стянуты ее узлы, и отваге и хитрости здесь заказаны все пути, а я скован так же, как ты, как все другие. Разве стал бы я убиваться, если бы не испробовал все, что только можно было? Я валялся у него в ногах, упрашивал, молил. Он послал меня сюда, чтобы в этот миг лишиться последней радости жизни.

Э г м о н т. Итак, нет спасенья?

Ф е р д и н а н д. Нет.

Э г м о н т (топая ногой). Нет спасенья!.. Сладостная жизнь! Прекрасная, радостная привычка жить и действовать. И мне расстаться с тобой? Холодно расстаться? Не в шуме битвы, не под звон оружия, не среди суматохи и грохота ты говоришь мне мимолетное "прости",

ты не торопясь, ты лишь мгновение перед разлукой. Я должен коснуться твоей руки, еще раз посмотреть тебе в глаза, живо почувствовать твою прелесть, почувствовать, чего ты стоишь, а потом оторваться от тебя и сказать: "Уходи!"

Ф е р д и н а н д. А мне стоять при этом, смотреть, не имея сил ничего остановить, ничему воспрепятствовать! У кого достанет голоса для крика такой скорби! Чье сердце не истечет кровью от отчаяния!

Э г м о н т. Успокойся!

Ф е р д и н а н д. Это ты умеешь владеть собой, ты можешь жертвовать жизнью и, твердо ступая, как герой, идти об руку с неизбежностью. А что я? Как я должен поступать? Ты одержишь победу и над собой и над нами, ты выступишь, я переживу и тебя и себя. На пиру жизни погас мой светильник, в смятенье битвы я обронил свое знамя. Пустое, сумбурное, тоскливое будущее ждет меня.

Э г м о н т. Мой юный друг, диковинная судьба дала мне обрести тебя и тут же потерять. Ты за меня испытываешь смертную муку, страдаешь за меня всмотрись в меня, нет, ты меня не утратишь. Если моя жизнь была для тебя зеркалом, в котором ты охотно видел себя, пусть будет им и моя смерть. Люди бывают вместе, не только когда видят друг друга, далекие и умершие тоже живут с нами. Для тебя я буду жив, а для себя уже довольно прожил. Всякий день был для меня исполнен радости, всякий день я спешил выполнить долг, на который мне указывала совесть. Жизнь моя кончается, как раньше, много раньше могла кончиться в песках Гравелингена. Больше я не буду жить, но я жил. Живи и ты, мой друг, радостно, охотно и не страшись смерти.

Ф е р д и н а н д. Ты должен был и мог сохранить свою жизнь для нас. Ты сам убил себя. Я часто слышал, что говорили о тебе мудрые мужи, и враждебные тебе и благожелательные. Они подолгу спорили, каков ты, но в одном неизменно приходили к согласию - он идет опасной дорогой. Как часто я хотел найти возможность тебя предостеречь! Но разве у тебя не было друзей?

Э г м о н т. Меня не раз предостерегали.

Ф е р д и н а н д. Теперь, когда я, пункт за пунктом, прочитал в обвинительном заключении вопросы, заданные тебе, и твои ответы, мне стало ясно: простить тебя можно, снять с тебя вину - нельзя.

Э г м о н т. Не стоит даром тратить слова. Человек думает, что сам творит свою жизнь, что им руководит собственная воля, а на деле сокровенные силы, в нем заложенные, неудержимо ведут его навстречу его судьбе. Но не будем об этом думать, я легко отделяюсь от подобных мыслей. Труднее отрешиться от тревоги за свою страну, но и о ней найдется кому позаботиться. Если бы моя кровь пролилась за многих, если бы принесла мир моему народу, я был бы счастлив. Увы, этого не будет. Но человеку не подобает мудрствовать, когда ему уже не надо действовать. Хватит у тебя силы сдерживать гибельный лютый нрав отца - сдержи его. Но кому это посылно? Прощай.

Ф е р д и н а н д. Не могу я уйти от тебя!

Э г м о н т. Отдаю под твое покровительство моих слуг. Они хорошие люди - пусть не развеет их по свету, пусть несчастье минует их! Что с Рихардом, моим секретарем?

Ф е р д и н а н д. Он опередил тебя. Они объявили его государственным изменником и обезглавили.

Э г м о н т. Бедняга! Еще одно, и тогда прощай, я устал. Что бы ни волновало наш дух, природа под конец все равно берет свое. Ребенок, и обвитый змеей, засыпает живительным сном, а усталый путник в последний раз ложится отдохнуть перед воротами смерти, словно ему предстоит долгая дорога. Еще одно... Я знаю девушку, не презирай ее за то, что она была моей. Если ты позаботишься о ней, я умру спокойно. Ты благородный человек, женщина, доверившаяся тебе, укрыта от зла. Скажи, а жив еще мой старый Адольф? И на свободе ли он?

Ф е р д и н а н д. Тот бодрый старик, что на коне всегда сопровождал вас?

Э г м о н т. Да, он.

Ф е р д и н а н д. Он жив и на свободе.

Э г м о н т. Адольф знает ее дом, пусть отведет тебя к ней, а ты обеспечь его старость за то, что он укажет тебе путь к этому сокровищу. Прощай!

Ф е р д и н а н д. Не могу я уйти!

Э г м о н т (оттесняет его к двери). Прощай!

Ф е р д и н а н д. Дозволь мне еще побыть с тобой.

Э г м о н т. Друг, без долгих проводов. (Провожает Фердинанда до двери и вырывается из его объятий.)

Тот торопливо уходит, как пьяный.

(Один.) Черная душа! Не думал ты оказать мне благодеяние, прислав сюда сына. Он освободил меня от тревог и мучений, боязни и предсмертной тоски. А сейчас природа настойчиво и ласково требует с меня обычной дани. Все прошло, все решено, и то, что в эту последнюю ночь бередило мне сердце и заставляло ворочаться на ложе, теперь необоримо усыпляет мои чувства. (Садится на койку.)

Музыка{48}.

Благодатный сон! Ты нисходишь, как само счастье, непрошенный, невымоленный, нежданный. Развязываешь узлы суровых дум, смешиваешь воедино образы радости и боли, неостановимым кругом течет внутренняя гармония и, окутанные сладостным бездумьем, мы уходим все дальше, все дальше и перестаем быть.

Эгмонт засыпает, музыка сопровождает его сон. Стена за его ложем словно бы разверзается, и возникает сияющее виденье. Среди льющегося прозрачно-ясного света Свобода в небесном одеянье покоится на облаке.

Лицо ее - лицо Клэрхен; когда она склоняется над спящим героем, оно печально: она оплакивает его.

Вскоре, овладев собою, она ободряющим жестом показывает ему на пучок стрел, а также на жезл и шляпу. Она призывает Эгмонта к радости и, дав ему понять, что смерть его принесет свободу провинциям, хочет увенчать его как победителя лавровым венком. В

миг, когда с венком в руках она приблизилась к нему, Эгмонт поворачивается и теперь лежит на спине, лицом к ней. Венок, который она держит, как бы парит над его головой. Вдали слышится военная музыка, бьют барабаны, свистят рожки; с первым еще тихим ее звуком виденье исчезает. Музыка становится громче. Эгмонт просыпается. Тюрьма слабо освещена лучами утренней зари. Первое его движение - он прикасается к голове, потом встает и озирается, не отнимая руки от чела.

Венок исчез! Прекрасное виденье, тебя спугнул свет дня. Да, то были они, две сладостные утечи моего сердца. Божественная свобода приняла обличье моей возлюбленной, милая девушка облеклась в небесное одеянье подруги. В суровый миг они явились мне слившимися в единое виденье, скорее грозное, чем прельстительное. Окровавленными ногами она приблизилась ко мне, на развевающихся складках ее одежды адела кровь. То была моя кровь и кровь многих благородных мужей. Недаром пролилась она. Шагай по ней! О, храбрый мой народ! Богиня победы летит впереди! Как море, что твои плотины сокрушает, круши и ты тиранов злобных крепость! Топите их, гоните вон с несправедно захваченной земли!

Бой барабанов приближается.

Чу! Слышишь! Как часто эти звуки призывали меня на поле битвы и побед. Как бодро ступали мои соратники по стезе опасной доблести! Теперь и я выхожу из темницы навстречу почетной смерти. Я умираю за свободу. Для нее я жил, за нее боролся и ей в страданиях я приношу себя в жертву.

Глубину сцены занимают испанские солдаты с алебардами.

Ну, выводите их всех! Смыкайте ряды, мне вы не страшны. Я привык стоять с копьем в руке лицом к копьям, со всех сторон окруженный грозной смертью и с удвоенной силой, с удвоенной страстью чувствовать жизнь.

Барабаны.

Враг обступает нас со всех сторон! Мечи блестят, друзья мои, смелей! Ведь дома жены, старцы, дети! (Показывает на стражников.) А этих принуждает их владыка, не сердце их влечет. За родину идите в бой! За благо высшее сражайтесь, за свободу. В чем вам пример я ныне подаю.

Барабаны. Когда он идет к двери, навстречу стражникам, занавес падает, вступает музыка и завершает пьесу победной симфонией.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

ЭГМОНТ

Впервые текст “Эгмонта” появился на русском языке в отрывках. В сочинения Д.В.Веневитинова были включены переведенные им “Сцены из Эгмонта” (действие I, сцены 2, 3).

Первый полный перевод трагедии выходит на русском языке в 1865 году в Сочинениях Вольфганга Гете в русском переводе, осуществленном под редакцией П.Вейнберга.

В 1878 - 1880 годах выходило Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей под редакцией Н.В.Гербеля. В том третий включен “Эгмонт” в переводе Н.В.Гербеля.

В 1912 году в серии “Библиотека всемирной литературы” (Европейские классики) вышел трехтомник Гете под редакцией А.Е.Грузинского, в первый том которого включен “Эгмонт” в переводе С.Займовского.

После Октябрьской революции перевод трагедии был осуществлен Ю.Н.Верховским, который вошел в юбилейное Собрание сочинений Гете. Оно начало выходить в 1932 году (когда отмечалось столетие со дня смерти писателя) и завершилось в 1949 году (к двухсотлетию со дня его рождения). Трагедия “Эгмонт” была помещена в третьем томе.

К столятиелетию со дня написания трагедии этот перевод вышел вторично отдельным изданием (М., Гослитиздат, 1938).

Перевод В.Нейштадта был опубликован в Избранных произведениях Гете (М.-Л., Детгиз, 1950) и отдельным изданием (М., Искусство, 1958).

В данном томе БМЛ публикуется перевод Н.Ман.

{1} Мастером... и королем... - Победитель на стрелковых соревнованиях получал эти звания и угощал остальных участников состязаний.

{2} Сен-Кентен. - В битве при Сен-Кентене Эгмонт командовал испанскими и английскими войсками против французов (1557).

{3} Гравелинген (франц. Гравелин) - портовый город, у которого Эгмонт в 1558 году одержал еще одну победу над французами.

{4} Дюнкиркен - город к северо-востоку от Гравелингена. В описании битвы Гете следует рассказу историка ван Матерна.

{5} Маргарита Пармская - побочная дочь императора Карла V, сводная сестра Филиппа II; в 1558 году была назначена наместницей короля Филиппа II в Нидерландах.

{6} ...новые псалмы петь не смей. - Нидерландцы перешли в протестантскую веру, что усиливало вражду между ними и испанцами, остававшимися правоверными католиками. Женевский проповедник новой веры Жан Кальвин ввел в богослужение новый перевод библейских псалмов, сделанный французским поэтом Клеманом Моро.

{7} Гент, Иперн (франц. Ипр) - города во Фландрии, оба входят теперь в состав Бельгии.

{8} ...забыли... о принце Оранском. - Вильгельм (собственно, Виллем) I, принц Оранский, граф Нассауский, был одним из трех штатгальтеров (остальные два - Эгмонт и Горн, казненный впоследствии вместе с Эгмонтом). Ему были подчинены Голландия, Зеландия, Утрехт, тогда как Эгмонт был наместником Фландрии. За свою сдержанность был прозван Молчаливым.

{9} Макиавелли. - В окружении Маргариты Пармской действительно был придворный, носивший такое имя. Создавая этот образ, Гете наделил Макиавелли чертами хитрого и коварного политика, который был описан итальянским гуманистом Никколо Макиавелли (1469 - 1527) в его книге “Государь”.

{10} ...наглость чужеземных проповедников... - Имеется в виду пропаганда сторонников реформации церкви, боровшихся против римского папы и католицизма.

{11} Сент-Омер, Менин, Комин, Фервик, Лилль - фландрские города, из которых первый входит теперь в состав Франции, остальные принадлежат Бельгии.

{12} ...он боится позабыть, что его предки были владельческими князьями в Гельдерне. - Эгмонт имел несколько титулов: граф Эгмонт (по названию родового замка в Голландии, севернее Гаарлема), князь Гаврский (Гавр городок близ Гента, не смешивать с французским городом того же названия); титул графа Эгмонта он предпочитал, так как это указывало на его родство с династией герцогов Гель дерна.

{13} ...как он умеет... повергать в изумление чернь глупейшими эмблемами на ливреях своей свиты! - В 1533 году некоторые знатные нидерландцы, по предложению Эгмонта, обрядили своих слуг в новые ливреи черные кафтаны с длинными рукавами и широкими погонами, на которых были вышиты человеческие головы и шутовские колпаки. Колпаки были восприняты как насмешка над кардинальской шапкой Гранвеллы, присланного бороться с протестантской ересью.

{14} “Золотое руно” - высший испанский орден, учрежденный в 1429 году Филиппом Добрым, герцогом Бургундским “для защиты христианской веры и для распространения добродетели и нравственности”. Этим орденом награждались только князья и представители высшей знати. Карл V наградил им двадцатичетырехлетнего Эгмонта в 1546 году за его воинские доблести. Обладатель “Золотого руна” пользовался особыми привилегиями, в частности, мог быть судим только членами своего ордена.

{15} “Речь Брута о свободе, как образец ораторского искусства”. - Из текста неясно, имеется ли в виду легендарный римский деятель Луций Юний Брут, чьи зажигательные речи побудили римский народ восстать против тирана Тарквиния и изгнать его из Рима (510 г. до н.э.) или Марк Юний Брут (I в. до н.э.), возглавивший заговор против Юлия Цезаря. Упражнения в ораторском искусстве были обычны в так называемых риторических школах, возникших в Нидерландах в XVI веке.

{16} Ко мне солдат зашел, табаку купить... - Анахронизм, табак был завезен в Голландию в 1665 году.

{17} Карл Смелый - герцог Бургундский (1433 - 1477), присоединил к своим владениям Нидерланды; брак его дочери Марии с императором Максимилианом I сделал Нидерланды частью коронных земель империи Габсбургов.

{18} Фридрих Воитель - император Фридрих III (1445 - 1493); прозвище “Воитель” придумано Гете.

{19} ...уведут его сына и наследника и спрячут куда-нибудь... - Имеется в виду подлинный исторический факт: пленение наследника Фридриха III принца Максимилиана нидерландцами в городе Брюгге. Император вызволил сына только при помощи военной силы в 1488 году.

{20} Брабантцы - жители герцогства Брабант, тогда составлявшего часть Нидерландов; в настоящее время север области входит в Голландию, южные районы с городом Антверпеном - в Бельгию.

{21} ...у них-де и без того столько женщин... - В те времена воинские отряды сопровождали маркитантки.

{22} ...заменили эти дурацкие украшения колчанами со стрелами... Пучок стрел символизировал единство всех борющихся против Испании.

{23} ...целая компания дворян, каждый с нищенской сумой и придуманным для себя прозвищем... - В 1566 году триста нидерландских дворян высказали Маргарите Пармской требование об отмене инквизиции. Присутствовавший на беседе испанский гранд граф Барлемонт презрительно обозвал их “толпой нищих” (франц. *tasdequeux*). Прозвище было подхвачено нидерландцами, принявшими его в качестве названия для всех, кто боролся против испанского владычества. Гезы избрали своей эмблемой нищенскую суму и деревянную кружку. Многие носили девиз: “Верны королю до нищенской сумы”.

{24} ...чтобы Геркулес, сбросив с себя львиную шкуру, сел за прялку... - Имеется в виду один из древнегреческих мифов о Геркулесе; обвиненный в краже, Геркулес, ходивший, накинув на плечи шкуру убитого им льва, был осужден стать рабом царицы Лидии Омфалы и, находясь среди ее прислужниц, должен был прясть шерсть. Здесь намек на Маргариту Пармскую.

{25} ...убогую жизнь при дворе своего брата... - испанского короля Филиппа II. - ...Или отправится в Италию - Маргарита Пармская была замужем за Александром Медичи; овдовев, вышла за принца Фарнезе, герцога Пармского, но развелась с ним.

{26} Альба уже на пути... - Герцог Альба по уполномочию Филиппа II отправился в Нидерланды весной 1567 года.

{27} Не знаю, как решился на это мой отец... - Карл V, император Германии и король Испании, не справившись с задачами управления обширной империей, отрекся в 1555 году от престола, отдав владения габсбургского дома, титул римского императора и германского короля своему брату Фердинанду, а Испанию и Нидерланды - сыну Филиппу II, после чего ушел в монастырь, где скончался через два года.

{28} Честный Родригес - Родриго Гомес де Сильва, князь Эболи. Алонсо и Лас Варгас не были членами королевского совета. Френеда - францисканский монах, исповедник Филиппа II.

{29} Меднолобый толедец - то есть Альба, уроженец Толедо.

{30} О тебе пишут газеты? - Анахронизм, первая газета издавалась в Англии с 1563 года. В Нидерландах газет не было.

{31} Герцог Альба не успел приехать... - Альба прибыл в Брюссель 22 августа 1567 года.

{32} Правительница уехала. - Маргарита Пармская покинула Нидерланды позже, в феврале 1568 года.

{33} Оранского тоже как ветром сдуло! - Речь идет о его отъезде из Брюсселя, а не об окончательном бегстве за пределы Нидерландов.

{34} ...если бы у них в жилах текла... портновская кровь! - Портные считались трусами, отсюда много выражений в немецком языке, имеющих иронический смысл: портняжья смелость, портняжий герой и т.д.

{35} ...in effigie (лат.) - в изображении. Существовал старинный обычай казнить или сжигать изображение врага, что должно было, по древним магическим повериям, привести к гибели изображаемого. Инквизиция прибегала к сожжению чучел еретиков для устрашения народа.

{36} Сумел ведь проскользнуть меж друзей и врагов, меж французов, тех, что за короля, и гугенотов... - Речь идет о религиозных войнах во Франции, где католики были за короля, а протестанты (гугеноты) - против него. ...Меж швейцарцев и союзников... - Швейцарские кантоны были в союзе с жителями Женевы, которые являлись сторонниками протестантского движения, возглавляемого Кальвином.

{37} ...изловить всех, на кого я указал? - Альба приказал также арестовать третьего штатгальтера графа Горна, которого Гете не включил в число персонажей своей драмы, чтобы сосредоточить все внимание на Эгмонте.

{38} ...дабы не стыдно тебе было стать вровень с твоими братьями - то есть рядом с законными сыновьями Альбы.

{39} ...Оранский! О, принц Оранский! - Этим восклицанием Эгмонт хочет сказать, как прав был Оранский, предостерегая его.

{40} ...миртовый венок любви... - Венком из мирта украшали голову невесты. Мирт считался деревом богини любви Венеры.

{41} ...наподобие рожденного землею исполина... - Имеется в виду древнегреческий миф об исполине Антее; его матерью была Гея - богиня земли, и он сохранял силу, пока стоял на земле. Геракл, приподняв его с земли, задушил в своих объятиях.

{42} Богач, он сманил у бедняка последнюю овечку на свое тучное пастбище. - Библейский образ из Второй Книги Царств, гл. 12.

{43} ...Господь ниспошлет одного из ангелов своих... падут запоры и цепи от святого его прикосновения... - Имеется в виду освобождение заточенного апостола Петра, о чем рассказано в Библии, Деяния апостолов, гл. 12.

{44} Генрих, граф Эгмонт. - Подлинное имя Эгмонта не Генрих, а Ламораль.

{45} Председатель Суда Двенадцати. - По прибытии в Нидерланды герцог Альба создал "Совет для борьбы против смут", состоявший из двенадцати членов. В народе он получил название "кровавого суда".

{46} Что мне сказать? - В действительности сын герцога Альбы Фердинанд отнюдь не сочувствовал Эгмонту, а вполне искренне проводил политику кровавого усмирения Нидерландов.

{47} Его приговор не уловка с целью запугать меня... - По свидетельству историков, Эгмонт до конца надеялся на помилование.

{48} Музыка. - Ее написал для этой сцены Бетховен. Сам Гете признавал, что конец трагедии приобретает характер оперы.

Ю.Кагарлицкий

Комментарии к "Эгмонту" А.Аникста